

ДАТА ПОСЛЕДНЕГО ДОЖДЯ

ЛАДА КОРСАК

Лада Корсак

Дата последнего дождя

«Автор»

2026

Корсак Л.

Дата последнего дождя / Л. Корсак — «Автор», 2026

В колонии Керн закон неизменяем, а машина «Предел» безошибочно называет дату смерти за сорок дней. Получив собственную дату, переговорщик Мирон Вей сразу теряет право заключать долгие сделки, распоряжаться водой и голосовать за будущее поселения. Когда такой же прогноз получают десятки ключевых работников, метрополия объявляет Керн нежизнеспособным и готовит переселение. Но Мирон замечает страшную закономерность: после прогноза людям урезают воду, лечение и право работать — и именно эти ограничения помогают предсказанию сбыться. Чтобы разорвать круг, ему придётся раскрыть скрытые запасы и собственные тайные сделки, отказаться от власти единственного посредника и уничтожить последние личные записи умершей жены ради вопроса, который закон запрещает задавать. «Дата последнего дождя» — научно-фантастический роман о точности, которая создаёт собственную правду, о цене молчания и о праве людей участвовать в решениях, даже когда машина уже назначила им последний день.

© Корсак Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Сорок дней	6
Глава 2. Последняя норма	11
Глава 3. Мандат Рады	19
Глава 4. Вода и молчание	27
Глава 5. Закон без слова «почему»	35
Глава 6. Люди с датой	43
Глава 7. Сухой резервуар	51
Глава 8. Цена точности	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лада Корсак

Дата последнего дождя

От автора

Точный ответ успокаивает. Особенно когда речь идёт о вещах, которые человек не умеет контролировать: запаса воды, чужом решении, собственной смерти. Дата кажется честнее страха. Закон, который нельзя истолковать в свою пользу, — справедливее чиновника. Но точность ответа ещё не доказывает, что вопрос был задан правильно.

«Дата последнего дождя» — роман о мире, где люди доверили машине не только расчёт будущего, но и условия, при которых это будущее наступит. Здесь прогноз меняет паёк, работу и право голоса, а потом подтверждает сам себя. В такой системе недостаточно найти ошибку в числах. Нужно увидеть поступки людей, спрятанные внутри расчёта.

Эта история не предлагает простого выбора между добрым человеком и злой машиной. Машину создали как защиту от настоящего насилия, а люди научились жить рядом с её буквальной справедливостью. Героям придётся решать не только, как изменить закон, но и кто получает право хранить воду, тайну и память за остальных.

Глава 1. Сорок дней

В Керне воду продавали не литрами, а минутами молчания.

Мирон Вей положил обе ладони на горячий стол и ждал, пока представитель Северного первым посмотрит на пустой стакан. Тот продержался почти минуту. Для человека, приехавшего просить воду, — достойно.

За прозрачной стеной переговорной лежала рыжая равнина. Белые крыши Керна собирали пыль, мачты атмосферной сети дрожали в мареве, а над дальним гребнем не было ни одного облака. На внутренней стороне стекла ползла капля конденсата. Её оставили нарочно: в переговорной вода должна была быть видна, но не доступна.

— Двадцать восемь цистерн, — сказал гость. — До холодного месяца.

— У нас нет двадцати восьми.

— У вас всегда чего-нибудь нет, Мирон.

— Поэтому мы ещё живы.

Гостя звали Дамир Холь. Он заведовал северными теплицами и знал цену каждой влажной грядке. Три года назад Мирон отвёл часть северного потока в скрытый резервуар Керна. Дамир не мог доказать кражу, но с тех пор любое их рукопожатие начиналось с подсчёта пальцев.

На столе между ними лежала пластина договора. Голубые цифры показывали предложение: Керн отдаёт двенадцать цистерн сейчас и ещё восемь после первых заморозков; Северный взамен предоставляет лекарственные культуры и не требует проверки расхода глубинных насосов.

Последняя строка была важнее воды. Молчание Северного стоило дорого, потому что метрополия считала запас Керна по открытым датчикам. Если прислать проверку, обнаружится либо скрытый резерв, либо пропажа. Оба результата давали «Уставу» основание передать насосы государственному союзу.

— Двадцать, — сказал Мирон. — И ваша лаборатория берёт наших детей без очереди.

— Нашу лабораторию закроют, если мы отдадим вам двадцать.

— Закроют, если узнают, что вы три сезона принимали воду без записи происхождения.

Дамир наконец посмотрел на пустой стакан.

— Вот за что я тебя люблю, — сказал он. — Даже угроза у тебя звучит как скидка.

— Это не угроза. Угроза требует действия. Я предлагаю ничего не делать.

Дамир потянул договор к себе, но не коснулся поля подписи.

— Восемнадцать и дети. Медицинские случаи, не любой насморк ваших механиков.

— Девятнадцать.

— Восемнадцать.

— Тогда без молчания о третьем насосе.

Лицо Дамира не изменилось. Только большой палец перестал гладить край пластины.

Третий насос не значился ни в одном открытом плане. Мирон не должен был называть его даже здесь. Но переговоры зашли туда, где лёгкий намёк стоил меньше лишней цистерны.

— Восемнадцать, дети и никакой проверки до конца холодного месяца, — сказал Дамир.

— После этого каждый отвечает за свои трубы.

— Согласен.

Пластина запросила подтверждение. Мирон приложил ладонь. Обычно зелёная линия пробегала от запястья к пальцам и договор уходил в «Устав». На этот раз линия остановилась под безымянным пальцем.

Стол издал короткий звук.

«Требуется медицинское обновление», — появилась надпись.

— Поздравляю, — сказал Дамир. — Тебя выбрали для утреннего унижения.

Раз в полгода система проверяла кровь перед крупной сделкой. Мирон не любил это правило, но оно одинаково раздражало обе стороны, а значит, считалось справедливым.

Он открыл боковую крышку стола и вставил палец в мягкое кольцо. Игла почти не чувствовалась. Белый свет прошёл под кожей, считывая метки лечения и накопленные повреждения.

Дамир постучал ногтем по пустому стакану.

— Если найдут недостаток сна, я дам ещё одну цистерну за право увидеть твоё лицо.

— Если недостаток сна станет болезнью, половина колоний получит отпуск.

Линия под ладонью снова двинулась. Дошла до середины и стала жёлтой.

Мирон впервые видел такой цвет на договорном столе.

Над пластиной поднялось белое окно. Оно закрыло цифры сделки и отражение Дамира.

«Прогноз “Предел” подтверждён».

Ниже появилась дата.

Мирон прочитал её дважды. Сначала как часть договора — число, месяц, год. Потом вычел сегодняшний день.

Сорок дней.

В переговорной работал старый охладитель. До этой секунды Мирон не слышал его, теперь различал каждый стук лопасти.

— Что там? — спросил Дамир.

Белое окно было видно только со стороны подписанта. Мирон поднял ладонь. Дата исчезла, но зелёная линия не вернулась.

— Обновление полномочий.

— Во время подписи?

— «Устав» любит зрителей.

Он попробовал приложить ладонь снова.

«Срок обязательства превышает подтверждённый срок участия. Выберите уполномоченного без ограничения».

Договор длился до конца холодного месяца — на девять дней дольше его жизни.

Дамир встал.

— Мирон.

— Сядь.

— Я знаю, как выглядит ограничение «Предела».

— Тогда знаешь, что стоя оно не исчезает.

Дамир медленно сел. На севере прогнозы выдавали уже второй год. Керн подключили к общей системе месяц назад, и пока даты получали только старики в лечебном корпусе. Мирон голосовал против подключения. «Устав» посчитал возражение недостаточным: отказ от проверенного медицинского средства увеличивал общий вред.

— Когда? — спросил Дамир.

— Это не относится к цене.

— Теперь относится ко всему, что ты подписываешь.

— К цене воды относится запас. Он не изменился.

— А человек, который знает, где этот запас, изменился.

Вот почему даты сообщали лично, но ограничение появлялось во всех договорах. Тайна длилась ровно до первой попытки продолжить жизнь дальше назначенного срока.

Мирон открыл список уполномоченных. Первой стояла Тала. Он закрыл список.

— Договор подпишет водный мастер.

— Семен знает о третьем насосе?

— Ты ничего не слышал о третьем насосе.

— До конца холодного месяца, — напомнил Дамир. — Так мы договорились.

— Мы ещё не договорились. Подписи нет.

Дамир посмотрел на него так, словно впервые увидел не переговорщика, а товар с ограниченным сроком хранения.

— Восемнадцать цистерн, медицинская помощь детям и молчание до конца месяца, — сказал он. — Но подпишет Семен. И до отправки первой цистерны я хочу видеть его полностью.

— Девятнадцать.

— Ты только что потерял право торговаться после своей смерти.

— Поэтому торгуюсь сейчас.

Дамир коротко рассмеялся.

— Восемнадцать с половиной.

— У нас нет половин цистерн.

— Перельёте в старую.

— Она течёт.

— Тогда восемнадцать и ремонтный рукав к вашей старой цистерне.

Мирон протянул руку. Дамир пожал её, но пластина осталась неподписанной.

— Не вздумай умереть до отправки, — сказал он.

— Запишем отдельным условием.

Когда гость вышел, Мирон снова вызвал белое окно.

Дата не изменилась. Под ней появилась кнопка «Порядок последних сорока дней». Он не нажал. Вместо этого открыл медицинские данные.

Вероятная причина смерти была скрыта.

«Раскрытие причины повышает риск отклоняющего поведения и снижает точность прогноза».

— Удобно, — сказал Мирон пустой комнате.

Стол предложил помощь голосового советника. Он отключил звук.

На площади прозвенел сигнал полуденной нормы. Люди вынесли синие канистры к общим кранам. На каждого взрослого полагалось шесть литров, на ребёнка восемь, на работника горячего цеха ещё два. Мирон прежде мог менять норму своим ключом на семь дней, если торговая сделка задерживалась. Теперь рядом с его именем стояла серая отметка.

«Временное участие».

Он провёл пальцем по словам. Система уже говорила о нём в будущем времени без него.

Дверь распахнулась, не дожидаясь разрешения. Тала вошла с катушкой обгоревшего волокна на плече. Рыжая пыль легла на её волосы и ворот куртки.

— Северный привёз рукава? — спросила она.

— Один. После подписи.

— Нам нужно шесть.

— Тогда береги этот.

Она бросила катушку на стол и увидела закрытое поле договора.

— Почему не подписано?

— Подпишет Семен.

— Семен в нижней насосной. Ты для чего здесь сидел три часа?

Мирон убрал белое окно, но Тала заметила движение.

— Покажи.

— Сначала найди Семена.

— Покажи, дядя.

В детстве она произносила это слово только когда боялась. Последние годы Мирон почти всегда был для неё Мироном — начальником совета, плохим хозяином кухни, человеком,

который забывает отвечать на личные сообщения. Сейчас прежнее обращение вернулось без просьбы.

Он развернул окно к ней.

Тала прочитала дату. Потом посмотрела на сегодняшнее число в углу стены, словно система могла ошибиться в вычитании.

— Причина?

— Не сообщается.

— Основания?

— Подтверждены.

— Я спрашиваю не их ответ. Какие данные они взяли?

— Медицинскую метку, среду, работу, наследственность. Всё, что берут обычно.

Тала схватила пластину и попыталась открыть подробности. Доступ ей отказали.

— Мы запросим проверку.

— Запросим.

— Сейчас.

— Сначала закончим договор.

— Ты получил дату смерти и хочешь торговаться за половину цистерны?

— Уже выторговал рукав.

Она ударила ладонью по столу.

— Это не смешно.

— Рукав нужен к вечеру. Моя истерика может подождать.

— Это ты называешь истерикой всё, чего не можешь продать.

Мирон хотел возразить, но Тала уже открыла порядок последних сорока дней.

Список оказался длиннее медицинского заключения.

С первого дня человек с прогнозом не мог принимать обязательства дольше оставшегося срока. С пятого терял право единоличного доступа к запасам. С десятого переводился с опасной работы. С двадцатого его голос на собрании становился совещательным. В последние семь дней ему полагалось место в тихом корпусе и увеличенная норма обезболивания.

Ни одной строки о воде Мирон не увидел, пока Тала не развернула приложение.

«Норма долгого участия прекращается. Сохраняется личная последняя норма».

— Что такое долгая? — спросила она.

Он знал. Дополнительная вода для тех, кто растил пищу, обслуживал детей или занимал должность, полезную после текущего сезона. В расчёте будущего Мирон больше не участвовал.

— Два литра, — сказал он. — Снимут два литра в день.

— За сорок дней восемьдесят.

— Умеешь умножать.

— А если причина связана с обезвоживанием?

— Причину не сообщают.

— Именно.

Тала снова прочитала строку.

— Они называют дату, потом забирают воду, а потом говорят, что дата точная.

— Не делай вывод из одной строки.

— Ты всю жизнь делаешь выводы из того, кто первым посмотрел на стакан.

На площади сигнал нормы повторился. У общих кранов собралась очередь. Мирон видел, как смотритель прикладывает браслеты жителей и выдаёт каждому положенное. Когда подойдёт его очередь, кран уже будет знать дату.

— Найди Семена, — сказал он. — Договор должен уйти сегодня.

— Я вызову врача.

— После Семена.

— Ты не можешь приказать мне выбирать сделку раньше твоей жизни.

— Могу. Ещё пять дней у меня единоличный доступ и должность.

Слова прозвучали хуже, чем он рассчитывал. Тала отступила от стола.

— Вот что ты понял первым? Сколько дней ещё можешь приказывать?

Она взяла обгоревшую катушку и вышла.

Мирон остался у стекла. Капля конденсата добралась до нижней рамы и исчезла в узкой щели. Он подумал, что переговорную строили умные люди: даже вода, предназначенная только для вида, возвращалась в сборник.

На браслете мигнуло уведомление. «Изменение нормы вступило в силу».

Следом пришло второе: метрополия назначила прибытие полномочного представителя Рады Соль на завтрашнее утро. Основание — рост числа подтверждённых прогнозов в Керне.

Мирон открыл сводку поселения.

Утром людей с датой было семь.

Теперь — сорок три.

Число обновилось у него на глазах.

Сорок четыре.

Карта Керна покрывалась белыми точками. Они загорались в лечебном корпусе, у насосов, в школе, на атмосферных мачтах. Система не показывала имён, но Мирон знал рабочие смены и мог угадывать по местам.

Одна точка вспыхнула в нижней насосной.

Там, где работал Семен.

Мирон вышел из переговорной, не закрыв договор. На площади люди уже смотрели не на краны, а на свои запястья. Кто-то кричал, требуя врача. Кто-то молча продолжал держать канистру под тонкой струёй. Смотритель общего крана пытался объяснить женщине, почему её браслет выдал на два литра меньше.

Над площадью заговорил спокойный голос «Устава»:

— Жителям с подтверждённым прогнозом следует сохранять обычный распорядок. Точность даты не требует изменения личных планов до получения предписания.

Мирон проталкивался к лестнице нижнего уровня.

Сорок пять.

Сорок шесть.

У двери насосной его браслет снова мигнул. На этот раз сообщение пришло от «Устава», а не от врача.

«Доля жителей с ограниченным сроком участия превысила порог предварительной нежизнеспособности. Долгосрочные сделки приостановлены до решения представителя метрополии».

Договор с Северным погас.

Восемнадцать цистерн, рукав и молчание исчезли до подписи. Керн потерял не только воду. Он потерял право обещать, что будет существовать после даты, которую машина раздала его жителям.

Мирон открыл дверь насосной.

Семен сидел на полу у работающей трубы и смотрел на белое окно над ладонью.

— Угадай, — сказал он. — Нам назначили один день.

Мирон сел рядом. Труба дрожала у них за спинами, и внутри шла вода, которой система уже распорядилась без них.

Глава 2. Последняя норма

Семен первым поднялся с пола.

— Если сидеть возле трубы достаточно долго, — сказал он, — можно убедить себя, что воды много.

Он приложил ладонь к кожуху насоса. Металл мелко дрожал. За ним шла вода из нижней скважины — холодная, с горьким привкусом солей, вполне настоящая. Белое окно над запястьем Семена тоже было настоящим. Дата совпадала с Мироновой до минуты.

— Тебя проверяли сегодня? — спросил Мирон.

— Менял фильтр. Датчик потребовал кровь, прежде чем пустить меня к рабочему ключу. Я думал, опять ищут грибок в лёгких.

— Что-нибудь нашли?

— Нашли сорок дней.

Семен закатал рукав. Под локтем темнел след старого ожога, полученного ещё на первом насосе. На плече выступила соль от высохшего пота. Он выглядел так же, как утром: усталым, крепким и раздражённым чужой небрежностью. Мирон искал в нём признак назначенной смерти и злился на себя за поиски.

— Причина скрыта? — спросил он.

— Разумеется. Вдруг я её испорчу.

— Тала вызвала врача.

— Пусть вызовет слесаря. Четвёртый клапан заедает.

Семен взял ключ, но дверь насосной щёлкнула раньше, чем он успел подойти к клапану. Над ручным замком загорелась красная полоса.

«Опасная работа недоступна участнику с ограниченным сроком».

— Ограничение должно включиться на десятый день, — сказал Мирон.

— Для работы на высоте. Для давления выше шести единиц — сразу.

— Ты это уже прочёл?

— Пока ты бежал сюда, я успел узнать, как правильно умирать.

Семен сунул ключ Мирону. Тот приложил его к замку. Красная полоса сменилась жёлтой.

«Разовое действие требует подтверждения второго участника без ограничения».

— Значит, вдвоём мы составляем примерно одного живого, — сказал Семен.

Клапан ударил внутри кожуха. По трубе прошёл тяжёлый толчок. На стене замигало давление.

— Где сменный мастер?

— Ивара получила дату десять минут назад. У Льена браслет белый, но он наверху чинит кран. Остался мальчишка из ночной смены. Он умеет отличать насос от стула, если дать время.

Семен открыл связь и вызвал ученика. Тот ответил не сразу. На площади кричали, общий канал был забит вопросами, плачем и требованиями отключить «Предел».

Мирон посмотрел на схему нижнего уровня. Три насоса были отмечены зелёным. Четвёртый — скрытый — на общей схеме отсутствовал. Его вода шла через старую ветку и смешивалась с официальной до счётчика. Семен знал об этом с первого дня. Кроме них двоих, расположение скрытой полости знала Елена. Теперь её не было, а двоим оставшимся назначили одну дату.

— Совпадение тебя не удивляет? — спросил Мирон.

Семен перестал вызывать ученика.

— Удивит, если завтра выяснится, что Раде Соль назначили тот же день.

— Мы работаем в разных местах, едим разное. У тебя нет моих наследственных меток.

— Зато пьём одну воду.

— Её пьёт весь Керн.

— Тогда сорок шесть — только начало.

Снаружи ударили в дверь. Ученик наконец пришёл — семнадцатилетний Нор, худой настолько, что рабочая куртка висела на нём пустым мешком. Он приложил ладонь к замку. Красная полоса погасла.

— Мне теперь одному сюда ходить? — спросил он.

— Пока не назначат нового мастера, — ответил Семен.

— Я не мастер.

— Система с тобой не согласна. Открой четвёртый клапан на четверть и держи, пока дрожь не уйдёт.

Нор побледнел.

— Я не могу.

— Можешь. Мы будем рядом.

— Вы не сможете ничего тронуть.

Семен посмотрел на Мирона.

— Умный мальчик.

Мирон включил аварийную связь с распределительной. Ответила Тала. За её спиной ревела площадь.

— Нужен человек без даты в нижнюю насосную, — сказал он. — Сейчас.

— Здесь у крана давка.

— Если сорвёт клапан, крана не будет.

Тала отключилась, не ответив. Через две минуты пришёл Льен, тяжело дыша, с мокрыми до локтей руками. Вместе с Норм он открыл кожух. Семен говорил, куда ставить ключ и в какую сторону тянуть. Льен дважды переспросил, хотя работал с ним девять лет. Никто не хотел ошибиться под взглядом человека, которого машина уже списала.

Когда дрожь утихла, Семен забрал у Нора ключ. Замок снова отказал.

— Отнеси в мастерскую, — сказал он мальчику. — Теперь он твой.

— До назначения нового мастера, — быстро уточнил Нор.

— Конечно.

Мирон услышал то, чего не услышал ученик: Семен не собирался отдавать должность спокойно. Но спорить у работающей трубы было рано.

На площади очередь к кранам распалась. Люди с белыми отметками стояли отдельно, хотя никто не велел им отходить. Возле каждого крана на пыль были поставлены две мерные ёмкости: синяя на шесть литров и серая на четыре. Серые до сегодняшнего дня использовали для временных работников и осуждённых за кражу нормы.

Смотрительница Лея держала обеими руками кувшин пожилого учителя Оса. Струя оставилась на четвёртом литре.

— Ещё два, — сказал Ос.

— Кран закрылся.

— Я вижу. Открой ручным ключом.

— Он требует основание.

— Основание в том, что я хочу пить.

Лея оглянулась на Мирона. Раньше одного его кивка хватило бы для недельной поправки. Теперь рядом с его именем горела та же белая отметка.

— Последняя норма обязательна, — сказал голос крана. — Дополнительная выдача уменьшает запас участников долгого срока.

Ос повернулся к очереди.

— Слышали? Я уже не участник. Я потребитель перед закрытием.

— Возьми из моей, — сказала женщина позади него.

Она подставила браслет, но кран не принял передачу.

«Дарение суточной нормы лицу с прогнозом создаёт риск совместного вреда».

— Какой ещё вред? — спросила женщина.

Кран повторил ту же строку спокойнее, словно громкость вопроса была единственной трудностью.

Семен шагнул к ручному колесу.

— Не надо, — сказал Мирон.

— Ты всерьёз будешь охранять от старика два литра?

— Если сорвёшь пломбу, общий кран остановится до проверки.

— Тогда придумай свою знаменитую сделку.

Мирон подошёл к Лее и попросил журнал выдачи. За последний час «долгую» добавку потеряли сорок шесть человек. Девяносто два литра остались в дневном запасе. Но «Устав» уже распределил их детской столовой и теплицам — туда, где польза продолжалась после сорока дней.

— Можно выдать воду как рабочую норму, — сказал Мирон. — Ос ещё преподаёт.

— Его сняли с занятий, — ответила Лея. — Работа с детьми требует срока участия не меньше сезона.

— Тогда санитарная промывка помещения.

— Вода уйдёт в слив по счётчику.

— Медицинская добавка.

— Врач должен указать болезнь.

Ос поставил серую ёмкость на землю.

— Не надо превращать мою жажду в государственную загадку. Я возьму четыре.

Он поднял кувшин и отошёл. Очередь расступилась слишком широко.

Мирон поймал себя на том, что считает. Четыре литра в день на питьё, еду и умывание. В прохладном помещении хватит. При работе на солнце — нет. Учителя сняли с занятий, Семена не пустили к насосу, значит, система сама сокращала нагрузку. В этом была почти забота. Если не спрашивать, что происходило с человеком, когда он хотел жить не так, как было рассчитано.

Тала стояла у стены распределительной и записывала ответы жителей. Перед ней образовалась вторая очередь — без канистр. Она увидела Мирона, но не подошла.

— Ты устроила опрос? — спросил он.

— Я составляю список ограничений.

— Они есть в приложении.

— В приложении нет, что повара сняли со смены посреди обеда, потому что ему запретили ножи. Нет, что двух матерей исключили из списка опекунов. Нет, что Ос больше не может открыть школьную дверь.

— Запиши ещё насосную. Семен потерял рабочий ключ.

— Уже.

Она показала экран. Вверху стояло сорок восемь имён.

— Было сорок шесть.

— Врачей тоже проверяют.

— Где врач, которого ты вызвала?

— В лечебном корпусе. Он требует, чтобы вы пришли вдвоём.

Семен покачал головой.

— У меня клапаны.

— У тебя больше нет клапанов, — сказала Тала.

Он посмотрел на неё тяжело, без привычной усмешки. Тала выдержала взгляд.

— Именно поэтому пойдёшь, — добавила она. — Пока они не решили, что у тебя больше нет ног.

Лечебный корпус построили рядом с хранилищем холода. Воздух там сушил губы, а стены пахли металлом и настоем горькой травы, которую выращивали в Северном. В коридоре сидели люди с белыми окнами над ладонями. Все сорок восемь получили разные часы, но один день. Медицинская система выдала им тонкие серые папки, словно смерть требовала правильного хранения бумаг.

Врач Кира Мель провела их в перевязочную. Ей было около пятидесяти, и она носила старые очки, хотя зрение можно было исправить за один сеанс. Говорила, что очки напоминают пациентам: врач тоже пользуется инструментами, а не видит человека насквозь.

— Повторный анализ ничего не изменил, — сказала она. — Метки чистые. Острой болезни нет. Поражение тканей в пределах вашего возраста и работы.

— Тогда от чего мы умрём? — спросил Семен.

— Если бы знала, не стала бы прятать.

— Машина знает.

— Машина утверждает, что знает дату. Причина не входит в доступный ответ.

Мирон положил браслет на стол.

— Какие данные совпадают у всех сорока восьми?

Кира сняла очки.

— Место жительства. Вода. Воздух. Набор сезонных инфекций. Для двадцати девяти — работа в нижнем секторе. Для девятнадцати — ничего очевидного, кроме Керна.

— Возраст?

— От девятнадцати до семидесяти двух.

— Семьи?

— Разные.

— Когда сделаны анализы?

— Сегодня. Все, кто касался нового считывателя.

Семен наклонился вперёд.

— Нового?

— Обновление пришло ночью. Метрополия включила расчёт среды поселения. До этого «Предел» смотрел только тело и личный маршрут. Теперь учитывает воду, труд, доступ к лечению, местную аварию и решения властей.

— Какие решения? — спросил Мирон.

— Будущие.

— Будущих решений ещё нет.

— Для нас нет. Для расчёта есть вероятные действия «Устава». Если запас уменьшится, он знает, кому урежут норму. Если врачей не хватит, знает порядок лечения. Если колонию признают нежизнеспособной, знает маршрут переселения.

В перевязочной стало слышно, как за стеной капает вода из промывочной трубки. Мирон сосчитал семь капель до того, как Кира продолжила.

— Я задала разрешённый вопрос: учитываются ли ограничения после прогноза. Ответ — да.

Тала выпрямилась.

— Значит, он назначает дату, забирает воду и учитывает, что заберёт воду.

— Я не могу сказать, что дата назначается. Медицински это прогноз.

— Медицински четыре литра вместо шести — что?

— Недостаточно при тяжёлой работе. Поэтому тяжёлую работу запрещают.

— А если человек не хочет терять работу?

— Тогда система считает его нарушение дополнительным риском.

Семен тихо рассмеялся.

— Чистая работа. Если подчинишься, умрёшь по плану. Если не подчинишься, сам виноват.

Кира надела очки.

— Я врач, Семен. Мне не нравится этот ответ. Но у меня нет данных, что кто-то пережил подтверждённую дату.

— Сколько всего случаев? — спросил Мирон.

— В метрополии и старых колониях — больше восьмисот тысяч. Подтверждённая точность сто процентов.

— Ноль ошибок?

— Ноль зарегистрированных выживших.

Мирон заметил разницу, но не стал спорить. Регистрация принадлежала тому же «Уставу», который прекращал права по дате. Он запомнил формулировку.

Кира открыла карту обследований. Все белые точки тянулись вдоль ветки нижней воды. Официально она питалась из двух скважин. На самом деле третья примешивала почти четверть потока.

— Я возьму пробы, — сказала Кира. — С каждого насоса и из накопителей. Но результаты будут вечером.

— У нас нет вечера, — ответил Мирон. — Рада прибудет утром.

— До утра ещё есть вечер. Это теперь ваш главный избыток — всё время кажется последним.

В коридоре Мирона ждал вызов от совета. «Устав» назначил внеочередное собрание на пятнадцать часов. Единственным вопросом значилось исполнение последних норм. Отдельной строкой сообщалось: долгосрочные сделки остаются приостановленными.

— Северный договор пропал? — спросил Семен.

— Погас.

— Значит, Дамир скоро потребует проверку насосов.

— Его молчание тоже погасло. Пока у него нет договора, ему невыгодно признавать, что он знал о нашей воде.

— Ты опять рассчитываешь, что чужой стыд надёжнее замка.

— До сих пор работало.

— До сих пор нам не назначали общий день.

Они вышли из корпуса. Солнце стояло прямо над белыми крышами. Тени людей стали короткими, будто «Устав» и у них отрезал лишнее время.

Семен остановился у сухого водосборника. Когда-то его чаша принимала редкие ливни, но последний настоящий дождь прошёл девять лет назад. На дне лежали пыль и обломок детского змея.

— Три года назад мы забрали северную воду, — сказал он.

— Не здесь.

— А где? В переговорной, где капля за стеклом служит украшением?

— Мы отвели поток, когда у Керна осталось одиннадцать дней запаса. Северный тогда выращивал цветы для метрополии.

— Лекарственную лаванду.

— Половина шла в духи.

— Ты всегда умеешь превратить кражу в поправку к чужим расходам.

Мирон посмотрел на людей у серых ёмкостей.

— Если бы не тот поток, здесь не было бы школы и половины детей.

— Возможно. А теперь нас двоих не будет. Я хочу вернуть Северному то, что осталось от их воды.

— В скрытой полости запас Керна.

— Там долг.

— Там жизнь семисот человек.

— Семистам можно рассказать, откуда она взялась.

Мирон почувствовал злость — не резкую, а знакомую, рабочую. Так он злился, когда другая сторона называла вслух цену, которую он ещё не собирался признавать.

— Рассказать сейчас — значит отдать насосы метрополии до прибытия Рады.

— Поэтому ты расскажешь потом?

— Поэтому сначала я сохраню Керн.

— Ты сохраняешь своё право решать, что Керн должен знать.

Семен говорил без крика. От этого слова попадали точнее.

— У тебя сорок дней, — продолжил он. — У меня тоже. Я не потрачу их на охрану твоего молчания.

— Ты не откроешь третий насос один. Рабочего ключа у тебя нет.

— Вот и выяснили, зачем система оставила тебе пять дней единоличного доступа.

Семен пошёл к площади. Мирон не стал его удерживать. Спорить о воде возле пустого сборника было слишком похоже на молитву.

Совет собрался в столовой: зал собраний не вмещал очередь людей, которым требовалось объяснение. На длинных столах ещё стояли миски с недоеденной кашей. Повара с датой сняли со смены, и обед заканчивали подростки. Они пересолили еду; люди пили больше, чем обычно, и злились на серые нормы ещё сильнее.

«Устав» вывел на стену расчёт. Сорок восемь жителей теряли по два литра ежедневной добавки. Освободившиеся девяносто шесть литров делились между детской столовой, теплицами и резервом каравана. Слово «караван» стояло внизу мелко.

— Какого каравана? — спросила Тала.

Голос ответил сразу:

— При превышении порога нежизнеспособности метрополия обеспечивает переселение участников долгого срока.

— А остальные? — крикнул кто-то.

— Участникам с прогнозом предоставляется место исполнения последнего периода.

— Где?

— Маршрут определит полномочный представитель.

Мирон поднялся.

— До решения Рады Соль переселения нет. Сейчас нам нужно вернуть людям обычную воду.

На стене появились три допустимых решения. Первое: подтвердить последнюю норму. Второе: покрыть добавку из аварийного запаса на семь дней. Третье: добровольные передачи воды через зарегистрированного опекуна. Напрямую делиться система не позволяла, но опекун мог получать норму за человека и расходовать её в общих интересах.

— Выбираем аварийный запас, — сказала Тала.

— Через семь дней? — спросил Льен. — Потом что?

— Через семь дней будем решать снова.

— Резерв нужен детям, если останутся скважины.

— Скважины пока работают.

— Потому что Семен работал. А его сняли.

Семен сидел в дальнем конце стола и молчал.

Мирон открыл расчёт. Семь дней обычной нормы для сорока восьми человек требовали шестьсот семьдесят два литра. Аварийный запас позволял это без угрозы детям. Но число прогнозов росло. Пока шло собрание, появился сорок девятый.

— Берём семь дней, — сказал Мирон. — За это время проверим воду и оспорим расчёт.

— Оспаривание даты недоступно, — сообщил «Устав».

— Я говорю с людьми.

— Формулировка могла создать ложное ожидание.

— Тогда запиши точнее: мы проверим, почему ваша точность требует отнять у человека воду.

На стене мигнула строка: «Вопрос не входит в перечень».

По залу прошёл смех. Не весёлый — такой возникает, когда страх на миг находит более удобную форму.

Для расхода аварийного запаса требовались подписи переговорщика, водного мастера и врача. Мирон приложил ладонь. Его подпись приняли с пометкой «временная». Кира подписала второй. Семен не встал.

— Подпиши, — сказал Мирон.

— Мне запрещено распоряжаться запасом.

— Как мастеру запрещено. Как жителю совета — ещё нет.

— Ты нашёл лазейку.

— Я нашёл тебе два литра.

Семен медленно подошёл к стене. Перед подписью он повернулся к людям.

— Эти семь дней куплены нашей же водой. Не Мироном, не советом и не милостью машины. Через семь дней я потребую открыть данные всех запасов, включая те, которых нет на общей схеме.

В зале стало тихо.

Мирон увидел, как Тала перестала записывать. Несколько старших работников переглянулись: они поняли намёк. Остальные пока нет.

— Сейчас речь о норме, — сказал Мирон.

— В Керне речь всегда о норме. Только ты знаешь, сколько её на самом деле.

Семен приложил ладонь. Решение вступило в силу.

У общих кранов серые мерки погасли. Люди получили ещё по два литра. Кто-то захлопал, но аплодисменты быстро прекратились: на стене рядом с решением уже шёл обратный счёт семи дней.

После собрания Тала догнала Мирона у выхода.

— Какого запаса нет на схеме?

— Семен злится.

— Это я слышала. На что он намекал?

— На старые измерения.

— Не лги мне после того, как тебе назначили смерть. Это особенно жалко выглядит.

Мирон хотел ответить резко, но за её плечом увидел белую полосу неба над крышами. Ни облака. Ни обещания дождя. Только мачты, которые вытягивали влагу из воздуха по стакану на человека.

— Есть резерв, — сказал он. — Небольшой. Неучтённый.

— Где?

— Пока тебе лучше не знать.

Тала закрыла глаза.

— Ты опять выбрал за меня.

— Я выбрал не давать метрополии основание забрать насосы.

— Рада прибудет утром с мандатом на любые меры. Ей не нужно основание, которое ты считаешь красивым.

Браслет Мирона мигнул. Пришло расписание завтрашней встречи: посадочная площадка, шесть утра. Присутствие переговорщика обязательно до официального снятия полномочий.

Второе сообщение было от Дамира.

«Договор погас. Рукав остаётся у меня. До завтра жду новое обеспечение молчания».

Мирон удалил сообщение, но Тала успела прочитать.

— Какого молчания?

— Северный хочет больше воды.

— За что?

— За то, что не задаёт вопросов.

— О резерве?

Он не ответил.

Тала отступила, словно между ними открылась трещина.

— Сорок дней, — сказала она. — А ты всё ещё думаешь, что молчание можно оставить мне в наследство.

Она ушла к распределительной. Мирон остался возле двери столовой. Люди несли домой восстановленную норму. Шесть литров вместо четырёх казались победой, если не смотреть на счётчик семи дней и на караван, для которого «Устав» уже откладывал воду.

Семен подошёл последним. Его кувшин был полон.

— Утром поговорим с Радой, — сказал Мирон.

— Ты поговоришь. Я буду возвращать воду.

— Без ключа?

— Ключи меняются. Долги остаются.

Он ушёл, не попрощавшись.

Над площадью «Устав» объявил вечернюю норму и напомнил людям с прогнозом сохранять обычный распорядок. Мирон смотрел на серые ёмкости, сложенные у стены. Их убрали всего на семь дней, но вымыли и поставили горлышками вверх — готовыми к следующей выдаче.

В шесть утра должна была сесть машина Рады Соль.

К этому часу Керн уже числился поселением, которое не могло обещать собственное будущее.

Глава 3. Мандат Рады

Машина Рады Соль появилась над равниной в пять сорок семь.

Сначала Мирон увидел тень, которая шла по красной земле быстрее ветра. Потом над восточным гребнем поднялся чёрный посадочный модуль. Он не экономил воду: белый пар окружал опоры, пыль прибило к земле, и на несколько секунд площадка потемнела, будто здесь прошёл маленький дождь.

Тала стояла рядом с Мироном и смотрела не на люк, а на мокрый круг под машиной.

— На посадку хватило бы нашей добавки на месяц, — сказала она.

— Не месяц. Двенадцать дней.

— Спасибо, стало легче.

Семен не пришёл. Ночью его браслет показывал мастерскую, затем нижний склад, затем связь пропала. Мирон отправил ему три сообщения. Все остались неп прочитанными.

На площадке собрались Кира Мель, двое членов совета и Нор в слишком большой рабочей куртке. «Устав» назначил ученика временно ответственным за водные сооружения. Нор не спал; под глазами лежали синие тени, пальцы были в смазке.

— Если она спросит, кто водный мастер, что отвечать? — спросил он.

— Семен Ард, — сказал Мирон.

— Система пишет, что я.

— Тогда отвечай: система пишет, что ты.

— А чинить кто будет?

— Семен.

Тала повернулась к Мирону.

— Ты понимаешь, насколько это безумно звучит?

— Поэтому и правдиво.

Люк открылся. Первой вышла Рада Соль. Ни охраны, ни помощника за ней не было. Она спустилась по короткой лестнице с одной серой сумкой в руке и остановилась на мокром круге, проверяя подошвы. На ней был тёмный дорожный костюм без знаков должности. Только на левой манжете светилась тонкая золотая полоса мандата.

Мирон ожидал увидеть чиновницу, которая начнёт с требования отчётов. Рада начала с земли.

Она присела, коснулась влажной пыли и растёрла её между пальцами.

— Посадочная вода вернётся в сборник? — спросила она.

Нор растерялся.

— Если сток не забит, — ответила Тала.

— Забит?

— После прошлой машины не чистили. Машин у нас мало.

Рада сняла дорожную куртку, достала из сумки складной скребок и подошла к решётке стока. Нор кинулся помогать. Вместе они вынули спрессованный ком пыли. Вода закрутилась в отверстие.

— Теперь вернётся, — сказал Нор.

— Хорошо. Кто из вас Мирон Вей?

— Я.

Рада вытерла руки платком и протянула ладонь. Её рукопожатие было сухим и коротким.

— Сколько действующих скважин?

— Три.

Тала посмотрела на него. Рада заметила взгляд, но ничего не сказала.

— Официальный отчёт показывает две.

— Третья резервная ветка не считается действующей постоянно.

— Значит, действует непостоянно. Покажете позже.

Мирон понял, что начал переговоры раньше, чем успел назвать свою должность.

Рада поздоровалась с каждым по имени. Про Нора она уже знала: назвала его временным водным мастером и спросила, сколько часов он провёл у насосов. Услышав «девять», велела ему поспать после осмотра. Нор посмотрел на Мирона, будто разрешение всё ещё должен был дать он.

— Сначала совет, — сказал Мирон.

— Сначала вода, — ответила Рада. — Совет может ждать, насосы не умеют.

Они пошли через площадь. Ранние очереди уже стояли у кранов. Семидневная добавка действовала, но люди держали серые ёмкости рядом с синими. Никто не верил, что решение проживёт неделю.

Рада остановилась возле Оса.

— Полная норма? — спросила она.

— Сегодня да.

— Вчера?

— Четыре литра, пока совет не залез в аварийный запас.

— Вы работали?

— Учил детей.

— Сейчас?

— Сейчас я опасен для школьной двери. Через тридцать девять дней обещаю стать безопаснее.

Рада не улыбнулась, но записала его слова.

— Представительница, — позвала женщина из очереди. — Вы вернёте нам работу?

— Я проверю, правильно ли применены ограничения.

— Это не ответ.

— Другого у меня до проверки нет.

Она не обещала справедливости, отмены или хотя бы сочувствия. Люди заговорили громче. Мирон видел, как растёт раздражение, и ждал, когда Рада попросит охрану расчистить путь. Она стояла и слушала. Каждому отвечала одной фразой: «Записано», «Проверю», «Это не входит в мой мандат». Последняя фраза злила сильнее остальных, но по крайней мере не маскировалась под помощь.

У входа в нижний сектор золотая полоса на её манжете развернулась в прямоугольное окно.

«Полномочный представитель вправе остановить любое водное сооружение, ограничить передвижение и изъять местный запас, если это снижает общий вред».

— Удобная одежда, — сказал Мирон.

— Чтобы никто не говорил, что не видел полномочий.

— Там написано «любое».

— Именно это слово обычно читают вторым.

— А первым?

— «Вправе». Не «обязана».

У первой скважины Рада попросила Нора открыть журнал давления. Он долго искал нужное поле. Семен всегда держал журнал на отдельном экране и ругался, если кто-то менял порядок. Теперь система переставила значки по старшинству доступа.

— Не торопитесь, — сказала Рада.

— Если бы вы не сняли мастера, я бы не искал.

— Я его не снимала.

— Ваш закон.

— Закон принят до моего назначения.

— Но ключ сейчас у меня из-за вас.

Рада посмотрела на его руки. Нор сжал пальцы, будто ключ мог выпасть из кожи.

— Это верно, — сказала она. — Поэтому покажите мне, что вам нужно, чтобы не угро-
бить насос.

Нор назвал двух работников, расходники и право вызывать Семена как советника. Рада одобрила первых двух. На Семене остановилась.

— Участник с прогнозом не может руководить опасной работой.

— А я могу, хотя не умею?

— Вы можете выполнять действие, если оно подтверждено обученным советником без
доступа к ключу.

— Это Семен.

— Тогда оформим так.

Нор моргнул.

— Можно?

— Закон запрещает ему касаться управления. Советовать он может.

Мирон усмехнулся.

— Вы нашли лазейку.

— Я прочитала предложение до конца.

Тала шла рядом и всё записывала. Рада спросила, для кого.

— Для жителей.

— Публикуете без правок?

— Сразу.

— Тогда добавьте: решение временное. Если риск вырастет, советника придётся убрать.

— Добавлю. Вы хотите, чтобы вас правильно ненавидели?

— Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Ненависть — местный расход.

У второй скважины Кира передала результаты ночных проб. В официальной воде не было
ни яда, ни заражения, ни новой соли. Показатели третьей ветки в отчёте отсутствовали.

— Где проба из резервной ветки? — спросила Рада.

— Доступ к ней закрыт, — ответила Кира.

— Кем?

— Переговорщиком и водным мастером.

Рада повернулась к Мирону.

— Показывайте.

— Ветка не участвовала в сегодняшней выдаче.

— Тогда проба это подтвердит.

— Доступ туда требует подготовки. Старый спуск, давление нестабильно.

— Поэтому начнём сейчас.

Мирон смотрел на золотую полосу. Если Рада применит мандат, дверь откроется без его
ключа. Отказ только превратит скрытую воду в найденную при сопротивлении.

— Нор не знает пути, — сказал он.

— Знаете вы.

— У меня прогноз. Опасный спуск запрещён.

— Тогда назовите путь человеку без прогноза.

Тала перестала писать.

Рада произнесла это без нажима. Она просто поставила его перед тем же выбором, кото-
рым «Устав» отнимал работу у Семена: либо отдать знание, либо остановить дело. До вчераш-
него дня путь к резерву был властью Мирона. Теперь стал препятствием.

— Схема в моём кабинете, — солгал он.

— Мы зайдём за ней после совета.

Она не стала ловить его немедленно. Это беспокоило сильнее проверки.

В столовой собрались почти все жители Керна. Люди стояли вдоль стен и в проходах, дети сидели под столами. На экране рядом с картой поселения горело число пятьдесят три. За ночь прогноз получили ещё четверо.

Рада не заняла место председателя. Поставила свою серую сумку на пол и встала перед экраном.

— Я не буду объяснять вам, что точность «Предела» доказана, — начала она. — Вы уже слышали это от машины. Я объясню, что произойдёт с Керном по действующему закону.

На стене появилось правило. Если прогноз смерти в пределах одного сезона получали сорок процентов взрослых жителей, поселение считалось предварительно нежизнеспособным. Если доля сохранялась трое суток или расчёт показывал её рост, представитель обязан был начать переселение людей без прогноза и обеспечить отдельное место последнего периода остальным.

— Почему сорок? — спросила Тала.

— Потому что при большей потере работников старые поселения не могли поддерживать воду, пищу и лечение.

— У нас пятьдесят три человека из семисот.

— Из ста тридцати двух работников, без которых Керн не может существовать автономно. Дети, временно нетрудоспособные и зависимые жители в основание не входят.

По залу прошёл шум. Мирон быстро разделил пятьдесят три на сто тридцать два. Чуть больше сорока процентов.

— Вы выбрали основание так, чтобы получить нужную долю, — сказал он.

— Основание определено законом для всех поселений.

— Закон считает ребёнка ртом, но не будущими руками.

— Потому что ребёнок не может починить насос сегодня.

— Нор вчера тоже не мог.

Нор сидел у двери и уставился в пол.

Рада вывела второй расчёт. Через три дня число ключевых работников с прогнозом могло достичь семидесяти одного. Через десять — девяноста. Причины роста не показывались.

— На чём основан расчёт? — спросила Кира.

— На медицинских обновлениях, доступе к воде, распределении работ и вероятности отказов оборудования.

— То есть на ограничениях после первых прогнозов?

— В том числе.

— Тогда снимите ограничения и пересчитайте.

Рада покачала головой.

— «Устав» не принимает расчёт, в котором действующий закон заранее не исполняется.

— Почему?

— Такой вопрос отсутствует в перечне.

Смех на этот раз был громче, чем вчера. Рада дождалась тишины.

— Я понимаю, как это звучит.

— Нет, — сказал Ос. — Вы понимаете, как это записано. Звучит оно у нас.

— Справедливо.

Она вывела сроки. Сегодня — проверка запасов. Завтра — перечень людей для каравана. Через трое суток — решение о переселении. Представитель мог ускорить его, если вода или насосы окажутся под угрозой.

— Я никуда не поеду, — крикнула женщина у стены.

— Людей без прогноза нельзя вывезти силой до окончательного решения, — сказала Рада.

— А после?

— Можно ограничить выдачу воды на территории, признанной закрытой.

— Значит, силой жажды.

Рада не ответила. Молчание стало её согласием.

Мирон поднялся.

— Керн способен работать. Вчера ограничения сняли мастеров посреди смены, но насосы не остановились. Совет вернул норму. Мы можем заменить людей и сохранить поселение.

— За три дня?

— Если вы не будете мешать.

— Мой мандат требует снизить риск.

— Риск для кого? Для живых людей здесь или для цифры общего вреда?

Рада посмотрела прямо на него.

— Тринадцать лет назад поселение Грань отказалось от переселения после массового прогноза. Они скрыли поломку очистителя, чтобы не дать представителю основание остановить воду. Через шесть дней умерли люди без прогнозов, включая детей. После этого появился мой мандат.

— Керн не Грань.

— Каждый переговорщик начинает с этой фразы.

— А каждый представитель заканчивает тем, что считает чужую воду своей.

Золотая полоса на её манжете вспыхнула, но Рада не развернула окно.

— Поэтому я проверю ваш третий источник, — сказала она. — Если запас достаточен и безопасен, это улучшит расчёт. Если вы его скрывали, «Устав» передаст управление добычному союзу. Оба исхода лучше, чем неизвестность.

Тала встала.

— Для кого лучше второй исход?

— Для сети поселений. Вода не принадлежит одному Керну, если соседние поселения испытывают недостаток.

Семен вошёл через боковую дверь.

Он был покрыт красной пылью до колен. В руке держал старую пломбу от северной ветки.

— Хоть в чём-то мы согласны, — сказал он.

Мирон понял, где тот провёл ночь.

— Ты ходил к заслонке?

— Не трогал управление. Только посмотрел. Советовать мне разрешено, представительница подтвердит.

Рада перевела взгляд с пломбы на Мирона.

— Какая ветка?

— Старая северная, — ответил Семен. — Три года назад мы изменили поток. Часть воды, которая должна была идти Северному, наполняла скрытую полость Керна.

В зале стало тихо так быстро, что Мирон услышал вентиляцию.

— Ты не знаешь всей сделки, — сказал он.

— Потому что сделку знал только ты.

— Северный согласился на временное перераспределение.

— На два месяца. Потом ты покупал их молчание нашей же водой.

Тала медленно повернулась к Мирону.

— Поэтому Дамир писал про обеспечение.

Мирон мог объяснить. В год отвода Керн действительно стоял перед сухой неделей. Северный выращивал больше, чем мог съесть, и торговал лекарственным сырьём с метропо-

лией. Временная кража спасла людей. Продление скрытого потока спасало их каждый сезон. Каждое следующее решение было разумнее признания предыдущего.

— Если открыть резерв сейчас, — сказал он, — добычный союз заберёт всё.

— Если не открыть, — ответила Тала, — ты продолжишь решать один.

Рада подняла руку, останавливая зал.

— Я опечатаваю третью ветку до проверки. Вода из неё не поступает в общую выдачу с этого часа.

Мирон шагнул к ней.

— Вы оставите Керн без четверти потока.

— А Северный, возможно, получит свою четверть обратно.

— Проверка займёт дни.

— Первичная — шесть часов.

— За шесть часов упадёт давление в верхнем секторе.

— Тогда откроем аварийный склад.

— Он покрывает добавку людям с датой.

— С этого часа добавку обеспечит мой резерв.

Она коснулась манжеты. На стене появилось распоряжение: метрополия выделяла Керну восемьсот литров на сутки для детей и жителей с прогнозом. Посадочный модуль нёс воду вместо части топлива.

В зале никто не заговорил. Мирон рассчитывал сделать её человеком, который отнимает воду. Она отняла скрытый поток и сразу дала чистую воду тем, кого система лишила нормы.

— Вы заранее знали, — сказал он.

— Что могу найти незаявленный источник? Да. Поэтому прилетела с запасом.

— И если бы не нашли?

— Вода всё равно осталась бы Керну.

Семен положил пломбу на стол.

— Я покажу путь.

— Нет, — сказал Мирон.

Рада развернула золотое окно.

— Мирон Вей, на основании мандата я требую передать схему резервной ветки и все записи расхода за три года.

— Записи неполные.

— Передайте полные и неполные.

— Там имена людей из Северного. Они заключали сделки, потому что им обещали защиту.

— Их защита не включает право лишать соседей воды.

— Вы не знаете, чего они боялись.

— Тогда расскажете по дороге.

Он посмотрел на Талу. Она ждала не правильного ответа, а первого ответа без торговли. Семен стоял рядом с пломбой. Кира закрыла медицинскую карту. Даже Нор поднял глаза.

Мирон снял с шеи тонкую пластину ключа.

— Схема не в кабинете, — сказал он.

— Я догадалась.

— Она записана здесь. Путь начинается из старого водосборника.

Рада протянула руку. Мирон не отдал пластину.

— Я пойду с вами.

— Спуск запрещён человеку с прогнозом.

— Без меня вы можете открыть не ту заслонку и затопить полость солёной водой.

— Семен знает систему.

— Он знает трубы. Последовательность ключей знаю я.

Рада задумалась. Машинный закон предлагал ей отстранить Мирона, но буквальное исполнение могло уничтожить то, что требовалось проверить.

— Вы дойдёте до верхней камеры, — решила она. — Дальше передадите указания Нору. При первом нарушении безопасности вернётесь.

— Согласен.

— Это не сделка.

— Всё, что требует согласия двух людей, становится сделкой.

— Вот поэтому вам трудно читать законы.

— А вам — людей.

Они вышли из столовой вчетвером: Рада, Мирон, Семен и Нор. Тала пошла следом.

— Вы не включены в осмотр, — сказала Рада.

— Я представляю жителей.

— Вас никто не избирал.

— Через двадцать дней голоса людей с датой станут совещательными. Кто-то должен запомнить, что они говорили до этого.

Рада помолчала и разрешила ей идти до верхней камеры.

Солнце уже поднялось. Вода от посадки полностью ушла в сток, оставив на площадке тёмное кольцо. Через час оно высохнет, и никто не поверит, что здесь была влага.

У старого сборника Мирон спустился на дно. Под обломком детского змея находилась металлическая скоба. Он потянул её, и пласт сухой глины поднялся, открывая лестницу.

Тала стояла наверху.

— Я играла здесь ребёнком, — сказала она.

— Поэтому вход спрятали глубже.

— Елена знала?

— Да.

— Кто ещё?

— Теперь все нужные люди.

— Нет, Мирон. Все нужные тебе люди.

Он не нашёл ответа.

Под землёй пахло холодным камнем. На первой площадке сохранилась старая надпись Северного: направление потока и дата ввода ветки. Семен провёл пальцами по буквам.

— Вот кому принадлежала труба, — сказал он.

— Труба не принадлежит надписи.

— Вода тоже не принадлежит молчанию.

Рада включила свет на манжете. Золотая полоса легла на стену и обнаружила свежие следы у нижней двери. Кто-то проходил здесь ночью.

— Вы открывали камеру? — спросила она Семена.

— Нет. У меня нет последовательности.

— Тогда кто?

Мирон присел возле следов. Подошвы были узкие, с поперечным разрезом на левой пятке. Такую обувь выдавали в северных теплицах.

Дамир не ждал нового обеспечения молчания. Он прислал человека за своим.

Из-за нижней двери донёсся металлический удар.

Нор отступил. Семен схватил его за плечо и погасил свет.

В темноте снова ударил металл. Потом зашипела вода.

— Кто-то открывает северную заслонку, — прошептал Семен.

Рада развернула мандат. Золотое окно осветило лестницу.

— Я приказываю остановить все насосы нижнего сектора.

— Нельзя, — сказал Мирон. — Если давление упадёт сразу, старая труба лопнет.

— Тогда что?

Он передал пластину Нору.

— Теперь слушай внимательно. У нас одна попытка оставить воду в обеих колониях.

Глава 4. Вода и молчание

— Красный, белый, белый, синий, — сказал Мирон. — Не нажимай последний, пока Семен не скажет.

Нор держал пластину двумя руками. На ней светились четыре квадрата, но в сырой темноте цвета казались почти одинаковыми. За нижней дверью вода была в металл короткими тяжёлыми толчками. Каждый удар отдавался в лестнице.

— Если перепутаю? — спросил Нор.

— Северная труба примет всё давление. Она старше тебя вдвое и умнее не стала.

— Очень помогает.

Семен лёг на камень и приложил ухо к полу. Ключа у него не было, к управлению он не прикасался. Даже сейчас «Устав» следил за этим тщательнее, чем за человеком за дверью.

— Он открыл ручной обвод, — сказал Семен. — Насос ещё тянет в полость. Два потока встретятся у развилки.

Рада подняла манжету.

— Я могу отключить питание всего нижнего сектора.

— Тогда заслонка останется открытой, — ответил Семен. — Вода пойдёт в Северный самотёком, пока полость не опустеет.

— Сколько там?

Мирон ответил раньше друга:

— Официально — нисколько.

Рада посмотрела на него.

— Я спрашиваю не отчёт.

— Около восьмисот тысяч литров.

Нор тихо выругался. Тала, стоявшая на площадке выше, перестала дышать так громко. Восемьсот тысяч литров были не запасом и не погрешностью. Это была целая зима Керна, спрятанная под местом, где дети запускали змеев.

— Около? — переспросила Рада.

— Последний замер был девять дней назад.

— И вы позволяли людям стоять в очередях с серыми канистрами.

— Я позволял колонии дожить до следующего сезона.

— Потом обсудим, чем отличаются эти фразы. Сейчас спасаем трубу.

Она сказала это без угрозы, и Мирону стало ясно: обсуждение действительно будет. Не то привычное разбирательство, где можно утопить обвинение в причинах, именах и старых долгах. Рада умела отложить гнев так же аккуратно, как складывала инструменты.

Семен велел Нору нажать красный квадрат. Под ногами загудело. Потом первый белый. Шум насоса стал ниже.

— Второй белый, — сказал Мирон.

— Рано, — возразил Семен.

Из-за двери донёсся скрежет.

— Там человек, — сказал Мирон. — Если мы зажмём поток, его прижмёт створкой.

— Если не зажмём, сорвёт трубу.

— Подожди три удара.

Они услышали первый удар, второй. На третьем Мирон крикнул:

— Эй! Отойди от заслонки! Сейчас закроем!

В ответ кто-то ударил по двери дважды. Не просьба о помощи — знак, что услышал.

— Теперь, — сказал Семен.

Нор нажал второй белый квадрат. Вода взревела, будто под камнем проснулся зверь. Дверь выгнулась внутрь на толщину пальца. Из шва ударила тонкая струя и попала Раде в плечо.

— Синий! — крикнул Мирон.

— Не трогай! — одновременно крикнул Семен.

Нор замер.

Семен считал толчки губами. Мирон знал эту его привычку: тот разговаривал с насосами числами и не доверял ни одному экрану, пока не услышит железо.

— Сейчас синий, — сказал Семен.

Нор нажал. Гул оборвался не сразу. Он уходил по трубе всё дальше, пока не остался только плеск за дверью и дыхание пятерых людей.

— Обе ветки закрыты, — сказал Нор.

— Обе удержаны, — поправил Семен. — Закрыты они будут, когда увидим створки.

Рада провела пальцем по мокрой манжете. Золотое окно погасло.

— Мандат не отвечает.

— Под камнем связь всегда была плохая, — сказал Мирон.

— Поэтому вы и выбрали это место?

— Поэтому его выбрали строители.

— А вы оставили.

Нижняя дверь открывалась механически. Мирон вставил пластину в паз, Нор повторил последовательность. Замок щёлкнул, но дверь не пошла: её держало остаточное давление. Семен показал на колесо сброса.

— Мне нельзя, — сказал он.

Нор взялся за колесо. Оно не двигалось. Тала спустилась и встала рядом.

— Вам нельзя ниже верхней камеры, — напомнила Рада.

— Я уже ниже.

— Это не делает нарушение безопасным.

— А Нор один колесо не повернёт.

Рада сняла серую куртку, накинула её на выступ и взялась за рукоять с другой стороны.

— На три, — сказала она.

Колесо сдвинулось. Из клапана вышел пар, затем вода потекла по канавке к лестнице. Мирон смотрел, как Рада и Тала налегают на ржавую рукоять, и видел две разновидности упрямства, которые пока не решили, ненавидеть ли друг друга.

Дверь открылась на ладонь. Из-за неё высунулась рука.

— Не закрывайте, — произнёс мужской голос. — Я отойду.

Мирон узнал голос. Не Дамир.

— Яр, — сказал он. — Ты выбрал плохой день для прогулки.

— А ты хороший для воровства?

Они раскрыли дверь. В камере по щиколотку стояла вода. У заслонки, прижавшись к стене, ждал Яр Ковель, тепличный мастер Северного. На левой ноге у него был ботинок с поперечным разрезом пятки. Рядом лежал длинный вороток и мешок с сухими уплотнениями.

Семен первым шагнул внутрь, но остановился, не касаясь ни заслонки, ни воротка.

— Кто тебя пустил?

— Ваша дверь, — ответил Яр. — Мирон три года обещал её заменить.

— Дамир послал?

Яр посмотрел на Мирона.

— Дамир просил вернуть то, что идёт по нашей трубе.

— Он просил открыть заслонку при работающем насосе?

— Он сказал, что мастер знает время сброса. Я пришёл ночью. Потом сюда спустилась ваша проверка, и ждать стало поздно.

Семен присел у соединения. Ржавый шов был цел, только тонкая нитка воды выступала вокруг прокладки.

— Ещё минута — и порвало бы, — сказал он.

Яр перевёл взгляд на мокрый пол.

— Я не хотел ломать.

— Трубы редко спрашивают, чего ты хотел.

Рада вошла последней. Без светящейся манжеты она выглядела не представительницей, а промокшей женщиной, которая спустилась в чужой подвал и нашла там достаточно доказательств для нескольких судов.

— Ваше полное имя? — спросила она.

— Яр Ковель.

— Поселение?

— Северный.

— Вы признаёте, что без разрешения открыли водную заслонку?

— Признаю, что открыл нашу заслонку.

Рада указала на старую надпись на стене.

— По строительной ведомости она принадлежит общей ветке. Распределение должно было определяться ежегодным соглашением.

— Три года соглашения не было.

— Это не передаёт вам право ломать общую ветку.

— А Керну передаёт право забирать воду?

— Нет.

Яр явно подготовился спорить с чиновником, который будет защищать Керн. Прямой ответ лишил его первой половины речи.

Рада повернулась к Нору.

— Можете восстановить безопасный поток?

Нор посмотрел на Семена.

— Я могу, если мастер скажет как.

— Советник, — поправила Рада.

Семен усмехнулся.

— Сначала меняем уплотнение. Потом даём Северному шестую часть, Керну — остальное. Через два часа проверяем давление.

— Почему шестую? — спросил Яр.

— Потому что ваша труба три года сухая и неизвестно, где ещё треснула. Дашь сразу всё — польёшь пустыню.

— Это наша вода.

— Тогда особенно жалко лить её в песок.

Рада одобрила временное распределение на шесть часов. Нор записал решение на пластине. «Устав» не ответил, но локальный замок принял ключ временного мастера.

Яр высыпал из мешка уплотнения. Он пришёл не только отнимать воду — готовился чинить. Семен выбрал самое толстое кольцо и передал Нору. Тот снял старое, порвавшееся почти по всей окружности. Тала держала свет. Мирон стоял без дела: единственная вещь, которую он умел здесь делать лучше остальных, состояла в том, чтобы скрывать назначение труб.

Когда поток пустили снова, вода за стеной зашумела ровно. Шестая часть уходила на север. Впервые за три года — не как тайная плата Дамиру, а как открытое направление.

Яр прислонился лбом к холодной трубе.

— До наших баков дойдёт к вечеру.

— Если ветка цела, — сказал Семен.

— Я пройду вдоль неё.

— Пойдём вместе.

Рада напонила:

— Вы не можете выполнять опасные работы.

— Я могу идти по земле и советовать.

— До первого повреждения.

— А там закрою глаза, чтобы не руководить.

Нор впервые за утро рассмеялся.

На поверхность они поднялись после полудня. Ветер уже стёр тёмное кольцо посадочной воды. У сборника ждали жители Керна. Кто-то принёс канистры, будто скрытая полость была колодезём, из которого сейчас разрешат черпать. Другие пришли увидеть Яра.

Тала сразу включила общий экран.

— Северная ветка открыта на одну шестую, — сказала она. — Решение временное, на шесть часов. Труба требует проверки. Скрытый запас Керна — около восьмисот тысяч литров.

По толпе прошёл звук, похожий на вдох перед криком.

Мирон увидел Оса, Киру, старуху Зою с двумя серыми ёмкостями. Зоя получила прогноз вчера и лишилась добавки. Восемьсот тысяч литров означали, что её канистры могли быть синими всё это время.

— Почему нам урезали норму? — спросил кто-то.

— Потому что запас не зарегистрирован, — ответила Рада. — До проверки качества его нельзя выдавать.

— Не вас спрашивают, — сказала Зоя.

Она смотрела на Мирона.

Он мог рассказать про добычный союз. Про старую формулу, по которой зарегистрированный запас свыше сезонной нормы переходил под внешнее управление. Про засуху три года назад, когда Керн был в двух сутках от остановки верхнего насоса. Всё это было правдой и всё звучало как ещё одна цена, назначенная людям без их согласия.

— Я скрывал воду, чтобы её не забрала метрополия, — сказал он.

— Метрополия не стояла у моего крана вчера, — ответила Зоя. — Ты стоял.

— Я вернул вашу добавку на совете.

— На семь дней. А спрятал на сколько?

Мирон промолчал.

— На три года, — сказала Тала.

Толпа заговорила разом. Рада не пыталась перекричать людей. Она попросила Нору поставить ограждение вокруг входа, а Киру — взять пробы из полости и северной ветки. Затем объявила, что до вечера опубликует первичный отчёт.

— Имена участников тайных сделок тоже? — спросил Мирон.

— Их получит проверка.

— Если вы откроете имена, в Северном начнётся охота на тех, кто брал плату.

Яр встал рядом.

— Пусть начнётся разговор.

— Ты не был в тех комнатах. Не знаешь, кому Дамир платил и кого прикрывал.

— Зато знаю, кто таскал воду к теплицам по ночам.

Рада подняла руку.

— Списки пока не публикуются. Факты о потоке и запасе — публикуются. Личные обвинения требуют проверки.

Тала нахмурилась.

— Удобно. Машина три года не замечала воду, а теперь просит подождать.

— Не машина. Я.

— В чём разница?

— Я могу ошибиться и отвечаю за ошибку.

Тала выключила экран, но оставила запись разговора в общем доступе.

Дамира в Керне не было, однако он позвонил прежде, чем Мирон дошёл до площади. Связь шла с задержкой; лицо северного переговорщика распадалось на крупные квадраты.

— Ты послал Яра сломать общую ветку, — сказал Мирон.

— Я послал его открыть нашу воду.

— При работающем насосе.

— Ты обещал расписание сброса. Потом перестал отвечать.

— У меня был представитель метрополии под дверью.

— Теперь он у всех под дверью. Яр передал, что Соль увидела полость.

— Увидела.

Дамир закрыл глаза. За его спиной качались листья тепличной фасоли. В Северном воду не пили свободнее, чем в Керне, но растения получали её прежде людей: без следующего урожая нечего было делить.

— Тогда наша сделка кончилась, — сказал он.

— Она кончилась вчера.

— Вчера она не стала хуже. Сегодня у меня есть сведения, которые добычный союз купит быстрее, чем ты успеешь придумать новую ложь.

— Какие сведения?

— Объём полости. Старые расходные ведомости. Твои подписи под временным отводом. И запись, где ты предлагаешь лекарства детям в обмен на молчание.

— Я предлагал обмен водой и лекарствами.

— Звук не показывает предлогов.

Мирон оглянулся. Рада разговаривала с Кирой возле медицинского блока. Тала осталась у сборника. Никто не слышал Дамира, но Мирону впервые показалось, что тайный разговор происходит посреди площади на глазах у всех.

— Если передашь сведения союзу, они заберут полость, — сказал он. — Северный получит не поток, а счёт за воду.

— Если промолчу, Соль всё равно найдёт ведомости.

— Ей потребуется время.

— Сколько?

— Десять дней.

Дамир рассмеялся.

— Через три дня Керн признают нежизнеспособным.

— Поэтому десять. За три я остановлю переселение. За оставшиеся семь мы заключим открытое соглашение о ветке.

— Кто «мы»? Ты больше не можешь подписывать долгие сделки.

— Совет может.

— Совет, которому ты сегодня рассказал про восемьсот тысяч литров?

— Не я рассказал.

— Именно поэтому тебе теперь не верят.

Мирон позволил задержке проглотить несколько секунд. Раньше молчание было его самым дешёвым товаром. Собеседник начинал заполнять пустоту, называл страх, уступал. Сейчас молчал Дамир, и платить предстояло Мирону.

— Что ты хочешь? — спросил он.

— Полный комплект мембран для тепличного очистителя.

— У нас один запасной.

— Знаю.

Мембраны лежали в аварийной кладовой Керна. Без них верхний очиститель проработал бы до первой соляной бури, затем начал бы терять каждый пятый литр. Новые метрополия обещала через два месяца — если поселение сохранит статус.

— Ты оставишь Керн без ремонта.

— Ты оставил Северный без потока на три года.

— Ветка уже открыта.

— На одну шестую и на шесть часов. Мембраны покупают десять дней. Не воду. Не прощение. Только моё молчание перед союзом.

— И копии записей.

— Копии останутся у меня.

— Тогда ты продашь их снова.

— Возможно. Теперь ты понимаешь, каково договариваться с человеком, который хранит чужую жизнь в папке.

Мирон посмотрел на склад. Один комплект мембран мог спасти часть воды зимой. Десять дней могли спасти колонию сейчас. Он много раз объяснял людям, что близкая опасность дороже далёкой. Теперь это правило требовало отдать последнюю вещь, которая не принадлежала лично ему.

— Доставка сегодня, — сказал Дамир. — Яр заберёт.

— Сначала обязательство.

— Ты не можешь принять обязательство после своей даты.

— Сделай десять однодневных расписок.

— Хочешь обмануть «Устав»?

— Хочу использовать разрешённый срок.

Дамир посмотрел куда-то в сторону, читая форму. Машина разрешала краткое обязательство человеку с прогнозом, если каждое действие завершалось до следующей ежедневной оценки. Десять расписок нельзя было связать условием продления, но можно было подписывать заново каждое утро.

— Сегодня я молчу до восхода, — сказал Дамир. — Завтра решу снова.

— За комплект ты решаешь одинаково десять раз.

— Это и будет нашим человеческим соглашением. Машина его не признаёт.

— Мне нужно слово.

— Ты три года продавал моё. Теперь покупаешь.

Мирон согласился.

Когда связь погасла, он ещё минуту стоял перед пустым экраном. Десять дней молчания существовали только потому, что Дамир мог каждое утро нарушить обещание без формального нарушения закона. Мирон построил защиту Керна на тайных договорах, а теперь сам оказался внутри договора, который не мог доказать.

Аварийная кладовая открылась по его старому праву переговорщика. Прогноз ещё не успел отнять доступ к запасам, предназначенным для обмена. На полке лежал серый ящик с мембранами, опечатанный прошлой зимой.

Тала нашла его, когда он снимал пломбу.

— Куда?

— Северному.

— За что?

— За десять дней.

— Десять дней чего?

— Они не передадут добычному союзу записи о полости.

Тала встала между ним и дверью.

- Ты снова покупаешь молчание.
- Покупаю время.
- Тем же товаром.
- Другого сейчас нет.
- Есть правда.
- Правда не задержит союз. Она только скажет ему, куда поставить насос.
- Эти мембраны нужны верхнему очистителю.
- Через три дня у нас может не быть верхнего очистителя.
- И поэтому ты один решишь, чем рискнуть.

Мирон поднял ящик. Он оказался тяжелее, чем помнил.

- Если вынесем это на совет, Рада получит запись. Дамир продаст сведения сегодня.
- Значит, его молчание уже ничего не стоит.
- Оно стоит десять дней.

— Нет. Оно стоит нашего последнего комплекта и твоей надежды, что он утром не пере-
думает.

Она была права, и именно поэтому Мирон злился.

— Ты хочешь открыть всё сразу, — сказал он. — Запас, сделки, имена. Думаешь, когда у каждого будет правда, люди выберут правильно.

- Я думаю, они имеют право выбрать неправильно сами.
- Ошибка совета оставит без воды детей.
- Твоя ошибка уже оставила без воды Зою.

Он обошёл её. Тала не удерживала ящик и не звала Раду.

- Я запишу, что ты сделал, — сказала она.
- Запиши.

- И опубликую, когда молчание кончится.
- Если через десять дней у нас ещё будет площадь, публикуй на ней.

Яр ждал у северной дороги. Семен и Нор уже ушли вдоль трубы проверять швы. Мирон поставил ящик в его тележку.

- Дамир назвал цену? — спросил Яр.
- Назвал.
- Яр проверил пломбу.
- Нам они действительно нужны.
- Нам тоже.
- Тогда зачем отдаёшь?
- Потому что твой переговорщик умеет считать страх.
- А нашему посёлку ты три года считал воду.

Яр закрепил ящик ремнём. Потом достал из кармана небольшую прозрачную бутылку. Внутри плескалась вода с бурым осадком.

— Это дошло по ветке час назад, — сказал он. — Первая вода мутная. Через два часа очистится.

- Зачем показываешь?
- Чтобы ты знал: труба цела. Не всё сегодня куплено зря.

Он уехал. Колёса тележки оставили две линии в красной пыли, рядом тянулась третья — след от капель из бутылки.

К вечеру Рада опубликовала первичный отчёт. Вода в скрытой полости оказалась пригодной после обычной очистки. Запаса хватало, чтобы поддерживать полную норму Керна двадцать семь дней при открытой шестой части Северному. Одновременно «Устав» отметил неза-
явленную воду как имущество с неопределённым управлением. До решения Рады ни Керн, ни Северный не могли увеличить отбор.

Жители собрались у кранов. Серые канистры снова меняли на синие: Рада разрешила полную норму из привезённого резерва и официальной воды. Никто не благодарил её. Люди спорили о восьмистах тысячах литров под ногами.

Мирон сел на край старого сборника. Внизу теперь горел постоянный свет проверки. Вход больше не был тайной.

Семен вернулся после заката. Его рука была перевязана: на северной ветке он всё-таки полез к острому шву, а Нор не успел остановить.

— Нарушил запрет? — спросил Мирон.

— Я советовал собственной ладони не резаться. Она не послушала.

Он сел рядом.

— Мембраны отдал?

— Отдал.

— Значит, Дамир молчит.

— До утра.

— Дорогое молчание.

— Дешевле эвакуации.

Семен посмотрел на тёмную равнину. Где-то на севере вода впервые за три года входила в пустые баки.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь купить нам выход, — сказал он.

— А ты всё ещё думаешь, что достаточно вернуть украденное.

— Нет. Я думаю, после возврата хотя бы понятно, с какого места начинать.

На браслете Мирона появилась первая однодневная расписка Дамира: сведения о запасе не будут переданы добычному союзу до следующего восхода. Ни слова о втором дне.

Следом пришло уведомление «Предела».

До даты смерти оставалось тридцать восемь дней.

Система предложила Мирону сократить объём личных данных, которые будут храниться после его смерти. Среди архивов первым стояло имя Елены.

Он закрыл уведомление, не открывая список.

Под землёй шумела вода, которую больше нельзя было спрятать. На севере молчал человек, которому больше нельзя было верить. А в памяти Мирона оставался голос женщины, задававшей вопросы так, будто любой закон когда-нибудь обязан будет ответить.

Глава 5. Закон без слова «почему»

В семь утра Дамир прислал вторую расписку.

Она была короче первой: «До следующего восхода сведения не передаю». Ни приветствия, ни имени Мирона. «Устав» принял обязательство, проверил, что срок заканчивается раньше даты смерти обоих участников, и поставил зелёную метку.

Мирон смотрел на неё, пока браслет не погас. Один день молчания стоил десятой части комплекта мембран, хотя весь ящик уже уехал в Северный. Дамир получал товар сразу, Мирон — доверие порциями. Обычно он сам строил сделки именно так и называл это защитой от чужой слабости.

В дверь ударили три раза.

Тала вошла, не дожидаясь ответа. В руках у неё был переносной экран и две кружки. Одну она поставила перед Мироном.

— Вода, — сказала она. — Полная норма. Можешь не прятать.

— Ты пришла ради этой шутки?

— Я пришла оспорить твой прогноз.

— Мой?

— Начну с твоего. Если система разрешит.

Она положила экран на стол. На нём была открыта служба «Предела»: имя Мирона, дата, тридцать семь дней и одиннадцать часов до назначенного времени. Ни причины, ни вероятности, ни списка условий.

— Где ты взяла доступ?

— Ты подтвердил родство после смерти мамы. Я могу смотреть медицинские предупреждения, если они влияют на семейные обязанности.

— Прогноз не медицинское предупреждение.

— Именно это я хочу выяснить.

Тала открыла поле обращения. Вместо пустой строки появился список из двадцати семи вопросов.

«Подтвердить дату».

«Уточнить время».

«Получить перечень разрешённых действий последнего периода».

«Назначить хранителя имущества».

«Сократить посмертное хранение данных».

— Где вопрос о причине? — спросила она.

— Его нет.

— Я вижу, что нет. Почему?

— Потому что ответ может изменить поведение человека.

— Дата уже меняет поведение.

— «Предел» учитывает это изменение.

— Очень удобно. Машина отнимает у тебя воду, потом говорит, что предсказала жажду.

— Это сказала Кира, не машина.

— Значит, спросим машину.

Она выбрала пункт «Сообщить о неверных исходных данных». Появился новый список.

«Ошибка личности».

«Ошибка возраста».

«Ошибка медицинской записи».

«Ошибка местонахождения».

«Ошибка текущего назначения».

Тала нажала последнее. Система показала должность Мирона — переговорщик Керна — и предложила подтвердить или исправить.

— Она знает, что тебя отстранят?

— Знает.

— Тогда «текущее назначение» — не то.

Она вернулась назад и открыла медицинскую запись. Там можно было указать пропущенный диагноз, неверный препарат или ошибку измерения. У каждого пункта требовалось приложить заключение врача.

— А если ошибка в том, что случится завтра? — спросила Тала.

— Будущее нельзя приложить к форме.

— Но машина приложила его к твоему имени.

Она искала дальше. С каждым нажатием список становился уже, пока не приводил к подтверждению даты или отказу принять обращение. «Устав» не запрещал задавать вопросы вообще. Он разрешал только те, для которых заранее существовал ответ и действие после ответа.

— Здесь нет слова «почему», — сказала Тала.

— В законах его почти нигде нет.

— Люди отменили его?

— Люди устали убивать друг друга из-за разных ответов.

Мирон помнил рассказы о водных бунтах. В каждом поселении был свой суд, свой счёт потерь и своя причина открыть соседскую плотину. После третьей войны метрополия отдала распределение «Уставу». Машина вывела правила из миллионов исходов, закрепила их и больше не позволяла никому менять толкование в свою пользу. Так по крайней мере учили детей.

— Причина войны не в слове, — сказала Тала. — А в том, что кто-то хочет чужую воду.

— Слово помогало назвать это справедливостью.

— Теперь справедливостью называет машина.

Она выбрала «Иное медицинское несоответствие». Поле разрешало сто двадцать знаков.

Тала написала: «Входят ли ограничения воды, труда и лечения после прогноза в причины смерти, которую прогноз сообщает?»

Красная рамка появилась после слова «входят».

«Вопрос не соответствует форме сообщения о медицинском несоответствии».

Она убрала знак вопроса и превратила фразу в утверждение: «Ограничения после прогноза могут входить в причины смерти».

«Укажите номер медицинской записи».

— Какой номер у будущего? — спросила Тала.

Мирон отпил воду. Она была холоднее обычной: после проверки Рада велела промыть общие трубы, и в них пустили воду из нижнего слоя.

— Кира может создать запись.

— Тогда идём к Кире.

В медицинском блоке сидели девять человек с датой. Они пришли не лечиться. После публикации сведений о запасе каждый хотел узнать, изменился ли прогноз от полной нормы.

Кира стояла перед общим экраном и повторяла одно и то же:

— «Предел» не пересчитывает выданную дату. Новые данные используются только для людей без прогноза.

— Почему? — спросила Зоя.

— Система считает, что сообщение даты уже стало частью условий. Повторный расчёт создал бы новый набор условий и новую дату.

— Пусть создаёт.

— Закон запрещает менять окончательное медицинское предупреждение.

— Тогда это не предупреждение, — сказал Ос. — Это приказ явиться вовремя.

Кира сняла очки и протёрла их краем халата. Без стёкол она щурилась и выглядела старше.

— Я не могу отменить правило, — сказала она. — Могу проверить тело, воду, лекарства и работу. Если вижу опасность, лечу.

— На срок не дольше даты, — напомнил Ос.

— Пока да.

Люди разошлись неохотно. Зоя задержалась у Талы.

— Если найдёшь вопрос, спроси про всех, — сказала она. — Не только про дядю.

— Спрошу.

Когда дверь закрылась, Тала передала Кире экран.

— Нам нужна медицинская запись: ограничения после прогноза могут стать причиной смерти.

Кира прочла формулировку.

— Это не медицинская запись. Это гипотеза о расчёте.

— Вы вчера сами сказали, что «Предел» учитывает будущие решения «Устава».

— Сказала, что обновление содержит такие признаки. Я не видела полного расчёта.

— Потому что его не показывают?

— Потому что модель не выдаёт цепочку причин. Она сравнивает состояние человека с историями миллионов людей и сообщает итог.

Мирон посмотрел на шкаф с препаратами. На дверцах рядом с названиями теперь стояли маленькие даты. Система заранее убрала из доступа прогнозируемых жителей упаковки, чей курс длился дольше остатка их жизни.

— Если вы запишете ограничение как опасность, форма примет вопрос? — спросил он.

— Может принять запись. Вопрос всё равно не примет.

— Запишите.

Кира надела очки.

— Мне нужны наблюдения.

— Сорок восемь человек вчера потеряли два литра.

— Совет вернул норму.

— На семь дней.

— Это административное решение, не симптом.

— Тогда измерьте симптом, — сказала Тала. — Давление, кровь, что вы там измеряете.

— У всех сорока восьми?

— У тех, кто согласится.

Кира открыла новый журнал. Попросила Мирона приложить ладонь к считывателю. Тот показал обезвоживание первой степени, хотя с утра он выпил полную норму. Ночь под землёй и разговоры сделали больше, чем вода успела исправить.

— Это не доказывает влияние правила, — сказала Кира.

— Но записывает его тело, — ответила Тала.

Кира добавила: «После автоматического сокращения нормы наблюдалось ухудшение водного баланса; причинная связь требует проверки». Запись получила номер.

Тала вставила его в форму. Красная рамка исчезла. На миг появилась зелёная полоса, потом экран вывел ответ:

«Медицинское несоответствие не установлено. Прогноз сформирован с учётом ожидаемых условий последнего периода».

— Ожидаемых кем? — спросила Тала.

Она написала вопрос в новом поле.

«Поле предназначено для номера записи».

— Вот и всё, — сказала Кира. — Мы доказали, что машина знает об ограничениях.

— Нет. Она доказала, что умеет повторять фразу.

Тала снова открыла список. Мирон смотрел на её пальцы и вспоминал другие руки на другом экране. Елена печатала медленнее. Перед каждым вопросом она отводила большой палец, будто давала фразе место появиться.

В первые годы Керна люди ещё могли обращаться к «Уставу» через переговорщика языка. Должность называлась нелепо — толкователь запроса, — хотя толкования закон уже не допускал. Человек переводил живую жалобу в набор допустимых признаков. Елена работала с ранним переводчиком, пока службу не закрыли после бунтов.

— Что? — спросила Тала.

— Ничего.

— Ты вспомнил.

— Вспомнил старую службу.

— Какую?

Кира подняла голову. Она тоже знала Елену, но только последние годы, когда та уже не работала с законами и учила детей различать сигналы атмосферных мачт.

— До закрытого списка был переводчик, — сказал Мирон. — Он принимал обычную речь и подбирал допустимый запрос.

— Значит, допустимый запрос существует.

— Не обязательно. Переводчик мог вернуть отказ другими словами.

— Где он?

— Закрыт лет пятнадцать назад.

— Где его копия?

— У метрополии.

Тала смотрела на него, ожидая продолжения.

— И? — спросила она.

— Что «и»?

— Ты никогда не говоришь сначала о недоступной копии, если нет доступной.

Кира кашлянула, пряча улыбку.

— Елена работала с испытательной версией, — сказал Мирон. — Возможно, в её архиве остались учебные записи.

— Возможно?

— Я не открывал рабочую часть после её смерти.

— Почему?

Слово прозвучало слишком точно.

Мирон посмотрел на имя Елены в своём браслете. Ночное предложение системы всё ещё ждало ответа: сохранить архив, сократить или назначить нового хранителя.

— Потому что это её работа, — сказал он.

— Она умерла девять лет назад.

— Поэтому и не надо в ней рыться.

Тала отступила от стола.

— Ты хранишь восемьсот тысяч литров, чужие подписи и программу, которая может задать нужный вопрос. И каждый раз называешь тайну уважением.

— Архив Елены не имеет отношения к воде.

— Теперь имеет.

— Нет.

— У пятидесяти трёх человек отнимают будущее, потому что машина не принимает слово «почему». Если у нас есть переводчик, он имеет отношение ко всем.

Кира тихо сказала:

— Сначала нужно понять, что там. Учебная запись может быть просто объяснением для студентов.

— Тогда откроем и поймём, — ответила Тала.

— Архив принадлежит Мирону.

— Архив принадлежал Елене.

— Она назначила его хранителем.

Тала повернулась к нему.

— Покажи хотя бы список файлов.

Мирон отказал.

Он ждал крика. Тала только забрала экран.

— Хорошо. Я найду другой путь.

— Через Раду?

— Через закон. Ты же всё ещё веришь, что умеешь им пользоваться.

Она ушла.

Кира сохранила медицинскую запись и закрыла журнал.

— Ты понимаешь, что она попросит доступ как родственница Елены?

— Елена ей не мать.

— Но была её опекуном четыре года. В семейном архиве могут быть права просмотра.

— Личных записей. Не рабочих.

— А ты уверен, что они разделены?

Мирон был уверен. Девять лет назад он сам выбрал режим конечного архива. Система собрала сообщения, голосовые заметки, домашние записи и рабочие материалы Елены в один запечатанный набор. Она предупреждала: некоторые старые ключи связаны с особенностями её голоса; раздельное извлечение может быть невозможно. Мирон выбрал хранить всё и не запускать разбор.

Так было проще думать, что он сохранил Елену целиком.

— Проверю дома, — сказал он.

— До того, как Тала приведёт Раду?

— Рада не может изъять семейный архив ради проверки воды.

— Вчера ты говорил, что она не найдёт полость за шесть часов.

Дом Елены и Мирона стоял у восточной стены. После её смерти Мирон закрыл маленькую комнату, где она работала, но остальные вещи постепенно исчезли в обычной жизни. Чашка разбилась. Куртку Тала перешила. Стул отдали в школу. Архив оставался последним предметом, который не старел.

Он лежал в стенном ящике размером с ладонь. Белая поверхность была без пыли: фильтр очищал её каждую ночь. Мирон приложил палец.

«Хранитель: Мирон Вей».

«Состояние архива: конечный, неизменяемый».

«Личные записи: 184 часа».

«Рабочие материалы: 61 час».

«Связанные ключи: 1».

Последняя строка раньше не показывалась на первом экране. Или Мирон не замечал.

Он открыл описание ключа.

«Переводчик свободного запроса. Испытательная настройка Е. Вей. Доступ прекращён решением Устава после водных беспорядков. Возможность извлечения зависит от сохранения голосового образца».

Ниже горело предупреждение:

«Извлечение связанного ключа необратимо изменит архив. Часть личных записей будет утрачена».

Мирон закрыл описание.

В комнате стало слышно, как по трубам идёт вода. Раньше этот шум успокаивал Елену. Она говорила, что дом с водой никогда не бывает пустым. Мирон раздражался: в трубах чаще был воздух, и он знал цену каждому часу шума.

На дверном проёме появилась золотая полоска.

— Я стучала, — сказала Рада.

Она не входила. За её плечом стояла Тала.

— Быстро, — сказал Мирон.

— Форма семейного доступа заняла минуту, — ответила Тала. — Отказ пришёл сразу. Я подала жалобу на невозможность проверить данные, влияющие на жизнь опекаемого родственника.

— Я не твой опекаемый.

— После прогноза я указана временной хранительницей твоего дома. Ты вчера подтвердил.

Мирон вспомнил первое утро. Среди десятков окон он нажал согласие, лишь бы открыть медицинскую запись.

— Это не даёт тебе права на архив Елены.

— Поэтому пришла Рада, — сказала Тала.

Рада подняла обе руки, показывая, что не разворачивает мандат.

— Я не требую архив. Жалоба касается возможного инструмента обращения к «Уставу».

Мне нужно установить, существует ли он.

— Вы уже знаете, что существует.

— От Талы. Теперь спрашиваю хранителя.

— Существует учебная настройка.

— Действующая?

— Не знаю.

— Можно проверить без извлечения?

Мирон взглянул на закрытый экран.

— Можно просмотреть рабочие записи.

— Тогда просмотрите. Я останусь за дверью.

— Очень деликатно.

— Я умею отличать полномочие от любопытства.

Тала села на пол у стены. Рада осталась стоять в коридоре. Мирон мог закрыть дверь и отказать обеим. Тогда жалоба уйдёт в «Устав», который ответит одной из заранее написанных фраз. Рада получит право проверить ключ как часть возможного пересмотра исходных данных. Тайна проживёт несколько часов и станет выглядеть ещё хуже.

Он вернулся к ящику и выбрал рабочие материалы.

Архив предупредил, что воспроизведение не создаёт нового ответа Елены. Это были сохранённые записи, а не человек. Мирон подтвердил.

На стене появилась дата пятнадцатилетней давности. Голос Елены прозвучал чуть тише, чем он помнил:

— Испытание триста восемьдесят два. Жалоба жителя: «Почему нижний квартал получает воду позже верхнего?» Закрытый список принимает только запрос о времени выдачи. Свободный переводчик выделяет не время, а неравенство давления. Предлагаемый допустимый вопрос: «Различаются ли подтверждённые условия выдачи для двух адресов при одинаковом праве?»

Запись остановилась.

Тала поднялась.

— Он не отвечает на «почему». Он превращает его в сравнение условий.

Мирон включил следующую.

Елена разбирала просьбу женщины, которой отказали в месте на транспорт. Потом спор о наследстве водной доли. Потом вопрос рабочего: почему опасную смену назначают одному и тому же сектору. Каждый раз переводчик убирал обвинение, но сохранял различие, которое можно было проверить.

— Найди «Предел», — сказала Тала.

— Эти записи старше системы прогнозов.

— Найди «будущие условия».

Мирон открыл поиск. Архив попросил голосовой образец Елены для доступа к смысловому указателю. Использование образца было безопасным: оно не извлекало ключ. Он разрешил.

На стене появилась одна запись без даты. Елена говорила не для испытания, а кому-то лично:

— Если закон когда-нибудь начнёт учитывать собственное исполнение как исходное условие, обычного списка не хватит. Человек сможет спросить только о результате, но не о том, создал ли закон этот результат сам. Свободный запрос должен сравнить два набора условий: с исполнением правила и без него. Иначе точность станет оправданием причины.

Запись оборвалась на вдохе.

В коридоре Рада перестала стоять неподвижно. Она шагнула ближе, но порог не переступила.

— Повторите, — сказала она.

Мирон повторил.

— Это рабочая гипотеза, — сказал он. — Не доказательство.

— Но она описывает именно наш случай, — ответила Тала.

— Она описывает опасность любого закона, который предсказывает последствия.

— «Устав» не предсказывает, — сказала Рада. — Он исполняет.

— Теперь «Предел» предсказывает то, что «Устав» исполнит.

Рада посмотрела на архивный ящик.

— Ключ можно запустить?

— Только извлечь.

— Что это значит?

Мирон вывел предупреждение на стену.

Тала прочла первой:

— Часть личных записей будет утрачена. Какая часть?

— Не указано.

— Ключ спрятан в голосовом образце?

— Связан с ним. Елена обучала переводчик на своих формулировках. Чтобы отделить настройку, архив разберёт записи на признаки речи. После этого восстановить их как голос нельзя.

— Текст останется?

— Возможно.

— А голос?

— Возможно, нет.

Тала замолчала. Даже она не сказала «извлекай».

Рада первой отступила от порога.

— Я не имею права требовать уничтожения личного архива ради проверки гипотезы.

— Но если начнётся переселение? — спросила Тала.

— Тогда у меня всё равно не появится такое право.

— У вас мандат на любые меры.

— Ради исполнения «Устава». Не ради изменения способа задавать ему вопросы.

— Значит, закон опять не умеет нужного слова.

— Значит, выбор останется у хранителя.

Они обе посмотрели на Мирона.

Он выключил стену. Голос Елены исчез, и комната снова стала маленькой.

— Я сначала прочту все рабочие записи, — сказал он.

— У нас меньше трёх дней, — напомнила Тала.

— Шестьдесят один час материала.

— Значит, начнём сейчас.

— Я начну.

— Опять один?

— Это её архив.

— А вопрос касается всех.

— Ключ пока не вопрос. Это инструмент, который может не работать.

Тала хотела возразить, но Рада остановила её.

— Он подтвердил существование инструмента и согласился проверить записи. Этого достаточно на сегодня.

— На сегодня Дамир тоже обещал молчать, — сказала Тала. — Здесь всё теперь даётся по одному дню.

Она вышла.

Рада задержалась.

— К вечеру доля ключевых работников с прогнозом выросла до сорока двух процентов, — сказала она. — Завтра пройдёт второе подтверждение. После третьего я обязана начать переселение.

— Вы можете отложить проверку.

— Не могу.

— Можете найти предложение до конца.

— Нашла. Отсрочка разрешена при неподтверждённых исходных данных. Пока ваш архив — не данные, а возможность задать вопрос.

— Если я извлеку ключ?

— Тогда всё будет зависеть от ответа.

— А если не извлеку?

— Отсутствие ответа не остановит закон.

Она ушла.

Мирон остался рядом с ящиком. Архив предлагал продолжить с места остановки. Елена ждала не его ответа — запись ничего не ждала. Она просто сохранила вдох пятнадцатилетней давности.

На браслете появилась отметка: до следующего восхода Дамир будет молчать.

На стене оставалось другое, не подписанное никем обязательство: за два дня Мирон должен решить, сколько памяти о мёртвой женщине стоит вопрос, способный оставить живыми пятьдесят три человека.

Он включил следующую рабочую запись.

Глава 6. Люди с датой

К полудню Мирон прослушал девять часов голоса Елены и перестал различать, когда она говорит о законе, а когда — о нём.

Рабочие записи шли кусками: испытание, пауза, замечание человеку за стеной, снова испытание. Иногда Елена просила принести воды. Иногда смеялась над тем, что переводчик счёл слово «обобрали» сообщением о повреждении одежды. В двух местах она произнесла имя Мирона, но оба раза только потому, что он должен был забрать её после смены.

Он не открывал личную часть архива. От этого запрета, придуманного им самим, рабочие фразы становились тяжелее. Голос оставался тем же. Разница между служебным и личным существовала только в подписи файла.

Браслет подал сигнал общего собрания.

«Решение о подготовке переселения. Явка обязательна для жителей с правом участия».

Ниже стояла серая строка: «Вы можете присутствовать без участия».

Мирон перечитал её. Вчера он ещё мог голосовать по вопросам, срок которых заканчивался до его даты. Сегодня предметом собрания было будущее Керна после этой даты, и система уже решила, что к нему Мирон не относится.

Он остановил запись на полуслове. Елена как раз объясняла испытателю, что право задать вопрос не равно праву выбрать последствия ответа.

В старом водосборнике было прохладнее, чем снаружи, но люди набились так плотно, что по стенам стекал пот. Внутри помещались сто двадцать человек. Ещё почти столько же стояли под навесами, слушая через уличные динамики. Над круглой площадкой висел экран с двумя числами.

«Имеют право участия: 611».

«Присутствуют: 487».

Мирон приложил ладонь к стойке регистрации. Экран мигнул.

«Присутствие подтверждено. Право участия отсутствует».

Рядом регистрировалась Зоя. Она получила ту же серую отметку и вытерла ладонь о юбку, словно испачкалась.

— Вчера было, — сказала она.

— Вчера обсуждали расход на семь дней.

— А сегодня обсуждают, где будут жить мои дети через год. Поэтому меня и не спрашивают?

— Поэтому.

— Хороший закон. Сразу знает, когда я перестала быть их матерью.

Она прошла внутрь. Муж Зои, не имевший даты, остался у стойки и попытался отказать от голоса в её пользу. «Устав» сообщил, что право участия не передаётся. Тогда он тоже не зарегистрировался и сел рядом с ней на каменной ступени.

Так поступили не все. Людям без даты предстояло решать, уезжать ли с первым караваном, оставаться ли возле тех, кого система уже исключила из будущего, и кому достанутся места в жилых модулях метрополии. Каждый голос имел вес воды, крыши и воздуха.

Рада стояла на площадке одна. За её спиной не было ни охраны, ни чиновников. Только переносной передатчик и белый ящик с печатью метрополии.

Тала сидела в первом ряду с экраном на коленях. Увидев Мирона, она подняла два пальца: второе подтверждение нежизнеспособности уже пришло. До третьего оставались сутки.

Семен стоял у бокового прохода. Рабочего ключа у него не было, зато на плече висела сумка с инструментами. Видимо, он решил, что право чинить сиденья пока не связано со сроком ремонта. Он молча протянул Мирону кружку.

— Вода Северного, — сказал Семен. — Шестая часть уже дошла обратно. На вкус как наша.

— Она и была их.

— Через три года научился.

Мирон выпил. Вода пахла железом. Под старым сборником трубы всегда отдавали ржавчиной, сколько их ни промывай.

Рада подняла руку, и динамики стихли.

— Сегодня требуется выбрать порядок подготовки, — сказала она. — Решение об отношении Керна к нежизнеспособным ещё не принято. Но закон обязывает начать подготовку за сутки до возможного решения, если второй расчёт подтверждает порог. Второй расчёт порог подтвердил.

На экране появились три пункта. Первый караван — люди без даты, семьи с детьми, медицинские работники. Второй — имущество и оборудование, признанное нужным для нового поселения. Третий — отдельный лагерь для жителей последнего периода.

Слово «последнего» вызвало шум.

— Это мы, — громко сказал Ос. — Можно не шептать.

Рада не стала делать вид, что не услышала.

— Да. Это жители с прогнозом. Лагерь обеспечивает полную норму воды, медицинское наблюдение и хранение имущества до назначенной даты.

— А после? — спросила Зоя.

Динамик у неё не включился. Вопрос услышали только соседи.

— После имущество перейдёт наследникам, — ответила Рада без усиления голоса.

— Я спрашиваю, что будет с лагерем, если мы не умрём.

— Зарегистрированных случаев нет.

— Значит, места для них тоже нет.

Рада посмотрела на стойку ведения собрания. Та не отмечала реплики людей без права участия и не добавляла их в запись. Мирон видел это по пустой строке протокола. Зоя могла кричать до хрипоты, но для закона собрание оставалось тихим.

Председатель совета, сухой пожилой Марк Ло, открыл обсуждение. Первым получил слово заведующий складами. Он предложил погрузить очистители раньше личных вещей. Потом учительница попросила оставить семь мест для детей, чьи родители имели дату. «Устав» принял её предложение, потому что дети считались отдельными жителями и не получали прогноз родителей по наследству.

Муж Зои поднял руку.

— Передаю слово жене.

— Передача невозможна, — сказала стойка.

— Тогда прошу зачитать её предложение.

— Предложение должно принадлежать участнику.

— Оно принадлежит мне. Я прошу Зою его произнести.

Стойка помолчала дольше обычного.

— Участник вправе пользоваться технической помощью для речи. Помощник не должен изменять смысл предложения.

По залу прошёл смех. Не весёлый — короткий, как удар ладонью по пустой бочке.

Зоя встала рядом с мужем.

— Моё предложение: не разделять семьи по наличию даты. Либо вывозить всех вместе, либо никого.

— Подтвердите смысл, — потребовала стойка у мужа.

— Подтверждаю.

На экране появилась строка: «Предложение участника Рена Иста: не разделять семьи». Имя Зои исчезло.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь я техническая помощь собственному мужу.

Предложение допустили к голосованию, но пометили как противоречащее порядку перевозки: люди с датой не могли занимать места, рассчитанные на срок дольше их жизни. За него проголосовало большинство присутствующих семей, однако не большинство всех участников. Те, кто слушал снаружи, не успели зарегистрироваться у двух стоек. Решение не прошло.

Мирон наблюдал, как люди учатся обращаться с несправедливостью, не называя её несправедливостью. Один просил разрешить человеку с датой «технически помочь» сформулировать предложение. Другой заявлял его своим. Третий дробил решение на короткие сроки, чтобы оно заканчивалось раньше ближайшей даты. «Устав» проверял каждую уловку и принимал ту, что совпадала с буквами закона.

Раньше Мирон восхищался этим ремеслом. Он считал, что спасает людей, когда находит правильную длину договора или меняет слово «долг» на «временное распределение». Теперь со ступени было видно другое: всякий раз право человека зависело от того, найдётся ли рядом кто-то вроде него.

Семен поднял руку. Стойка не отозвалась.

— Я хочу сказать о насосах, — произнёс он.

— Участие отсутствует.

— Без меня вы погрузите верхний очиститель и оставите нижнюю ветку без обратного клапана.

— Техническое заключение может быть запрошено участником.

Марк Ло потёр лоб.

— Я запрашиваю заключение Семена Арда.

Стойка включила перед ним свет.

Семен вышел на площадку и поставил сумку у ног.

— Верхний очиститель нельзя увозить первым, — сказал он. — После него в Керне останутся нижняя ветка и старый песчаный фильтр. Если караван задержится, у людей с датой будет вода из скрытой полости, но очистить её в нужном объёме мы не сможем. Сначала вывозите станки, которыми очиститель можно собрать заново. Сам очиститель оставьте до последнего дня.

— Назовите срок безопасной работы, — попросил Марк.

— Двадцать семь дней при полной норме и шестой части Северному.

— Возможный срок существования поселения после переселения не рассматривается, — сказала стойка. — Заключение относится к имуществу, оставляемому жителям без права долгого пользования.

— Это не имущество, — ответил Семен. — Это вода.

— Очиститель зарегистрирован как имущество.

— Зарегистрируй его как мою левую почку.

— Медицинская запись не подтверждена.

На этот раз люди засмеялись громче. Даже Рада опустила глаза, скрывая улыбку. Семен вернулся на место.

— Смешно, — сказал он Мирону. — Только очиститель всё равно увезут.

Обсуждение продолжалось два часа. Людей с датой вызывали как врачей, механиков, родителей, хранителей складов. Их знания принимали, их предложения записывали на чужие имена, их голоса не считали. «Устав» не запрещал им говорить. Он просто не признавал речь действием.

Когда открыли голосование о порядке караванов, Тала подняла руку.

— Предлагаю сначала решить, имеет ли собрание право принимать порядок без пятидесяти трёх жителей, которых этот порядок отделяет.

— Право собрания установлено законом, — ответила стойка.

— Тогда предлагаю выслушать каждого исключённого до голосования.

— Высказывания лиц без участия не входят в порядок принятия решения.

— Я не прошу включать их в решение. Я прошу дать им время.

На экране замигал расчёт. Собрание могло назначать перерыв, приглашать свидетелей и принимать сведения от любого жителя. Наконец появилась зелёная строка.

«Допустимо как сбор сведений. Предельное время — сорок минут».

— Нас пятьдесят три, — сказала Зоя. — Меньше минуты на человека.

— Тогда говорите главное, — ответила Тала.

Марк Ло уже собирался открыть список, но Рада остановила его.

— Сбор сведений должен относиться к одному вопросу.

Тала повернулась к залу.

— Вопрос один. Что изменится, если человек с датой останется участником Керна до фактической смерти?

Стойка приняла формулировку.

Первой вышла Кира Мель. Даты у неё не было, но она говорила как приглашённый врач.

— Изменится лечение. Сейчас система запрещает назначать курс, который заканчивается позже прогноза. Если право сохраняется до смерти, медицинское решение будет зависеть от состояния тела, а не от календаря.

Потом говорил Ос. Он заведовал малой солнечной станцией и после прогноза лишился доступа к накопителям.

— Изменится вечер, — сказал он. — Я смогу оставить свет в медицинском блоке, если большая линия снова провалится. Сейчас мой ученик может. Он хороший парень. Но он трижды перепутал северный и южный накопитель.

Ученик из заднего ряда крикнул, что перепутал только дважды.

— Вот видите, — сказал Ос. — Память у него тоже плохая.

Зоя говорила о детях. Она не просила места в караване. Она хотела сама решить, кто заберёт младшую дочь, если дата сбудется, и что делать, если не сбудется. Сейчас хранителя назначал «Устав» по ожидаемой продолжительности жизни и доступной жилой площади.

Старик Лем, отвечавший за семена, сказал, что изменится один ящик.

— Там сорта сухой фасоли за тридцать лет. Система отдаёт хранение Ниле, потому что у неё нет даты. Нила не знает, какие пакеты нельзя размораживать вместе. Я могу научить. Но учить и решать — разные вещи. Если я живой, я хочу сам открыть ящик.

Люди выходили по одному. Кто-то говорил долго, и Тала показывала ладонью, что осталось двадцать секунд. Кто-то успевал назвать только профессию и то, что у него отняли. «Я варю стекло». «Я принимаю роды». «Я знаю, где под третьей теплицей проседает опора». «Я не хочу, чтобы сын узнавал о моей смерти из уведомления».

Мирон слушал и считал. Тридцать один человек. Оставалось шестнадцать минут.

Стойка вызвала его имя.

Он не записывался в очередь. Тала смотрела на экран с невинностью, которой никогда не умела изображать.

— Я не подавал запрос.

— Подала я, — сказала она. — Как участник прошу заключение переговорщика.

Мирон вышел на площадку.

Перед ним сидели люди, которым он годами сообщал, сколько воды можно просить, о чём следует молчать и какую правду соседям знать рано. Теперь у него не было даже права предложить им порядок отъезда.

— Что изменится? — напомнила Тала.

— Для меня?

— Для Керна.

Он мог сказать о договорах. О ежедневной расписке Дамира. О том, что добычный союз узнает о скрытой воде, если переговорщик с датой не получит право заключить обязательство на десять дней. Это было верно и удобно. Полезность — лучший способ не говорить о праве.

— Изменится человек, который отвечает за решение, — сказал Мирон. — Сейчас вы можете спросить у нас, как устроены насосы, дети, лекарства и северный долг. Потом вы проголосуете сами и назовёте это общим решением. Если оно окажется плохим, виноваты будете вы. Если хорошим — тоже вы. Мы останемся источниками сведений. У сведений нет ни вины, ни права отказаться.

— Отвечайте на вопрос, — сказал Марк Ло.

— Я отвечаю. Если человек с датой остаётся участником до смерти, он не только сохраняет работу или место рядом с семьёй. Он отвечает за последствия своего голоса. Закон отнял у нас не будущее. Будущего ни у кого нет в собственности. Он отнял у нас ответственность за сегодняшний день.

Стойка мигнула жёлтым.

«Заключение не содержит проверяемых сведений».

— Содержит, — сказал Мирон. — Я предлагаю проверить.

— Лицо без права участия не может вносить предложение.

— Я даю заключение по запросу участника.

— Заключение должно отвечать на заданный вопрос.

— Тогда мой ответ: если мы остаёмся участниками, сегодняшний итог может измениться.

— Уточните измеримое изменение.

Мирон посмотрел на Еленин старый переводчик, которого не было ни в стойке, ни в зале. Тот превращал обвинение в сравнение условий. Для этого не обязательно было извлекать ключ. Иногда достаточно было запомнить способ вопроса.

— Сравните два голосования, — сказал он. — Одно по действующему составу. Второе — совещательное, со всеми живыми жителями. Не исполняйте второе. Только покажите различие результатов.

Стойка замолчала.

Рада подняла голову к экрану. Тала перестала дышать.

— Запрос о сравнении не изменяет право участия, — наконец сообщила система. — Совещательный опрос допустим. Результат не создаёт обязательств.

По залу прокатился гул.

Марк Ло первым понял опасность.

— Мы не успеем провести два обсуждения.

— Обсуждение уже прошло, — сказала Тала. — Вопросы те же. Две кнопки вместо одной.

— Закон требует сначала обязательное голосование.

— Пусть требует, — ответил Мирон. — Потом спросим живых.

Марк посмотрел на Раду.

— Представитель?

— Запрос допустим, — сказала она. — Я не вправе запретить сравнение.

— Но вы знаете, что будет.

— Знаю только то, что действительное решение примут участники.

На браслетах появился вопрос о порядке эвакуации. Первый вариант отправлял очистители вторым караваном, людей с датой — в отдельный лагерь, детей — с назначенными хранителями. Второй оставлял очистители до последнего дня, но всё равно разделял семьи. Третий откладывал погрузку на сутки ради уточнения запасов, рискуя потерять первые места метрополии.

Мирон видел варианты, но не мог коснуться ни одного. Вокруг него люди с датой держали погасшие браслеты. Голосовали остальные.

Победил первый вариант: 274 голоса. За второй отдали 191. За отсрочку — 22.

«Решение принято».

На площадке открылся план погрузки. Складские двери получили приказ готовить очистители. Система уже распределяла детей по местам.

— Теперь второй, — сказала Тала.

— Решение принято, — повторила стойка.

— Запрос о сравнении был допущен.

— Совещательный опрос не создаёт обязательств.

— Мы поняли.

Экран снова показал три варианта. На этот раз браслет Мирона засветился.

Он выбрал второй. Оставить очистители, не отдавать воду вместе с теми, кому она нужна. Это всё ещё означало лагерь и разделение, но давало людям двадцать семь дней, а не пустые трубы после каравана. Семен выбрал то же. Зоя нажала третий вариант — сутки отсрочки. Ос тоже. Некоторые прогнозируемые жители выбрали первый: они хотели, чтобы дети и оборудование уехали как можно раньше, даже если сами останутся у сухого резервуара.

Результат появился сразу.

Первый вариант — 279.

Второй — 211.

Третий — 50.

Первый всё равно победил.

По залу прошло разочарованное молчание. Тала смотрела на цифры, будто система обманула её лично.

— Разницы нет, — сказал Марк Ло.

— Есть, — ответил Мирон.

Пять человек с датой выбрали первый вариант. Двадцать — второй. Двадцать восемь — отсрочку. Но главное различие пряталось не между победителями. При полном составе ни один вариант не получил большинства всех проголосовавших: 279 из 540 было больше половины лишь на девять голосов, а семь человек не успели ответить. Если бы формулировка о семьях изменилась, итог мог стать другим.

Тала уже выводила цифры на свой экран.

— Пятьдесят три человека не голосуют одинаково, — сказала она. — У них нет одного интереса. Они не «последний период». Они выбирают по-разному.

— Решение от этого не меняется, — повторил Марк.

— Сегодня не меняется, — сказал Мирон. — Но теперь можно проверить, что именно отнял закон.

Стойка погасила совещательный опрос и оставила только действительный итог. В официальной записи не было пятидесяти трёх голосов. Сравнение существовало на браслетах участников как временное сообщение, которое система обещала удалить после закрытия собрания.

— Сохраните снимки, — крикнула Тала.

Люди подняли браслеты. Несколько человек начали переписывать цифры на бумагу. Лем вынул из кармана этикетку от семян и записал результаты на обороте.

Рада подошла к стойке.

— Внести сравнение в материалы проверки нежизнеспособности.

— Совещательный опрос не создаёт обязательств.

— Я не прошу создать обязательство. Я регистрирую наблюдение: исключение жителей меняет распределение предпочтений.

— Наблюдение принято. Влияние на порог не установлено.

— И не могло быть установлено без наблюдения, — сказала Рада.

Она говорила тихо, но передатчик ещё работал. Её слышали все.

Марк Ло закрыл собрание. Складские двери уже получали списки погрузки. Закон принял решение, люди получили сведения, а порядок мира не изменился ни на волос.

Снаружи ветер нёс красную пыль вдоль земли. Под навесом жители с датой не расходились. У каждого нашлось то, что он не успел сказать за сорок минут.

Зоя подошла к Мирону.

— Ты дал нам кнопку, которая ничего не делает.

— Да.

— И зачем?

— Чтобы увидеть разницу.

— Я вижу. Мою дочь всё равно назначили брату Рена.

— Решение можно менять до отправки.

— Не нами.

Мирон не стал спорить. Елена в архиве сказала бы, что правильный вопрос ещё не означает правильного права. Он помнил эту фразу с утра слишком хорошо.

Семен присел на край сухого жёлоба и раскрыл сумку. Внутри лежала старая ручная пломба.

— Нашёл на нижней ветке, — сказал он. — Думал, выбросили.

— Зачем она тебе?

— Завтра склад начнёт отсоединять очиститель. Я могу опломбировать крепления как часть действующей водной линии. Тогда снять их разрешат только после отключения воды.

— Нор снимет пломбу по приказу.

— Нор сначала спросит меня, где перекрыть давление. На разговор уйдёт час.

— Ты хочешь задерживать погрузку по часу?

— Я хочу вернуть Северному воду. Потом решу, сколько часов осталось для глупостей.

Он убрал пломбу.

К ним подошла Рада. На её браслете горело уведомление третьего расчёта, но строка пока оставалась пустой.

— Сравнение было точным ходом, — сказала она Мирону.

— Оно ничего не остановило.

— Зато создало наблюдение, которого утром не существовало.

— Вы собираете наблюдения для переселения?

— Я собираю всё, что закон позволяет приложить к решению.

— А когда он не позволяет?

— Тогда ищу допустимый вопрос. Сегодня вы напомнили, как это делается.

Тала вышла из сборника последней. Она держала переносной экран обеими руками.

— У меня список, — сказала она.

— Какой? — спросил Мирон.

— Всех решений за последние двое суток, где людей с датой вызывали как специалистов, но не считали участниками. Вода, насосы, дети, лекарства, теперь караван. Если сравнить условия с их голосами и без, получится не одна жалоба.

Рада прочла верхние строки.

— Это ещё не запрос к «Уставу».

— Знаю. Для запроса нужен ключ.

Тала не посмотрела на Мирона, когда произнесла последнее слово.

На браслете Рады появилась цифра. Она прочла её первой.

— Третий расчёт будет подтверждён завтра в двенадцать сорок, если доля не снизится.

— Она может снизиться? — спросил Семен.

— Только если кто-то из ключевых работников перестанет иметь прогноз.

— Умереть раньше?

— Тогда он перестанет считаться работником, — сказала Рада. — Но я не назову это снижением.

Мирон посмотрел на старый сборник. За стеной ещё висел официальный итог, принятый без него. Под полом вода шла по ветке, которую он три года скрывал. В комнате архива Елена ждала на десятой рабочей записи.

До полудня следующего дня оставалось меньше суток.

— Тала, отправь мне список, — сказал он. — Я проверю его по рабочим записям.

— А потом?

— Потом решу, какой вопрос стоит голоса.

Он впервые не сказал «мой архив».

Глава 7. Сухой резервуар

Утром официальный резервуар показал ноль.

Не почти ноль, не аварийный остаток и не привычную красную полосу, которую жители Керна видели каждое сухое лето. На большом мерном стекле стоял чистый белый кружок. Под ним светились слова: «Запас для общего распределения отсутствует».

У водосборника собрались раньше, чем прозвучал первый сигнал смены. Люди приходили с пустыми канистрами, хотя выдачу отменили ещё ночью. Они ставили тару у ног, словно само присутствие ёмкости могло убедить систему вспомнить о воде. Жёлтые, синие, когда-то белые канистры тянулись вдоль стены до самой насосной.

Мирон пришёл без канистры. Его двухлитровая добавка ещё действовала, но браслет назначил получение на вечер и только в медицинском блоке. Так «Устав» экономил: человеку с датой не полагалось хранить больше суточной нормы дома.

Рада стояла у мерного стекла в серой куртке без знаков метрополии. Рядом Нор открывал один люк за другим и всякий раз вытирал ладони о штаны, хотя металл был сухим.

— Поплавок лёг на дно, — сказал он. — Датчик тоже. Они не сговорились.

— Вчера здесь было сто восемьдесят три тысячи литров, — сказала Рада.

— На счёте, — поправил Семен.

Он сидел на перевёрнутом ящике в двух шагах от панели. К ключам его не подпускала тонкая белая линия на полу. Нор мог открыть люк по его совету, Семен не мог даже поддержать фонарь.

— В резервуаре, — сказала Рада.

— На счёте, — повторил Семен. — В резервуаре вчера было меньше.

— Насколько?

— Теперь узнаем.

Рада посмотрела на Мирона. Он понял, что этот короткий разговор был устроен для него. Представительница уже знала ответ или хотя бы знала, что ответ не понравится. Она не стала вызывать его ночью. Дала ему самому прийти к белому кружку, к людям с пустыми канистрами и к цифре, которую три года поддерживали ложные отчёты.

— Начинайте проверку, — сказала она.

Нор снял крепления с круглой крышки. Из резервуара пахло тёплым металлом, водорослями и каменной пылью. Запах воды оставался даже там, где самой воды уже не было. Тала закрепила страховку на поясе и включила налобный свет.

— Ты куда? — спросил Мирон.

— На дно.

— Пусть идёт Нор.

— Нор держит насосную. Я знаю стенки сборника лучше него.

— А я знаю, где они трескаются, — обиделся Нор.

— Потому и держишь насосную.

Она проверила карабин. Мирон заметил царапины на её пальцах — вчера она до ночи снимала показания с атмосферных мачт. Тала не попросила разрешения ни у него, ни у Рады. Представительница лишь сверила её имя с допуском.

— Осмотр без ремонта, — сказала Рада. — Любое найденное соединение сначала показываете на камеру.

— Если найду текущую трубу, я должна ждать, пока вы её зарегистрируете?

— Если найдёте воду, кричите. Остальное успеем зарегистрировать.

Тала спустилась внутрь. Её свет прошёл по ржавой стене, скользнул по шкале и исчез. Через мгновение снизу донёсся стук подошв.

— Дно сухое, — крикнула она. — Есть грязь у западной стенки. Сантиметра два.

Толпа у канистр заговорила сразу. Мирон различил слова «украли», «Северное» и собственную фамилию. Последнее произнесли несколько раз.

Рада подняла ладонь.

— До конца проверки выдача идёт из привезённого запаса. По одному литру на человека. Детям до двенадцати и медицинскому блоку — полная норма.

— А завтра? — спросила Зоя Ист.

— Завтра зависит от того, куда ушли сто восемьдесят три тысячи литров.

Мирон мог бы ответить: никуда. Большею части этих литров не существовало. Три года назад они были водой, которую Керн взял из северной ветки. Потом превратились в строку переходящего запаса. Каждый месяц Мирон закрывал недостачу ожидаемым сбором, технической потерей или водой в очистке. Это работало, пока расход оставался привычным. После возвращения одной шестой потока Северному и восстановления полной нормы людям с датой ложь перестала сходиться с трубами.

Он сказал себе, что не лгал о нынешней воде. Скрытая полость действительно держала около восьмисот тысяч литров. Люди не останутся без питья. Но белый кружок смотрел на него как открытый рот, которому было всё равно, в каком времени совершена ложь.

Тала позвала снизу:

— Здесь старое отверстие. Заварено снаружи. На схеме его нет.

Семен перестал качать ногой.

— Восточная стенка? — спросил он.

— Западная, ниже отметки пять.

— Тогда это не отвод. Смотровой ход времён стройки.

— Времён стройки тут даже у меня не было, — сказал Мирон.

— Поэтому ты и не помнишь, как строил резервуар.

Рада велела вывести изображение на наружный экран. На стене появилась круглая заплатка, покрытая минеральной коркой. Тала провела по ней перчаткой. Под коркой блеснул другой металл.

— Свежая сварка? — спросила Рада.

— Нет. Ей лет пятнадцать, может, двадцать. Но край мокрый.

— Вода?

Тала коснулась капли полоской индикатора.

— Конденсат с солями нижнего слоя.

Люди снова заговорили. Скрытая полость находилась глубже и южнее официального резервуара. Вода из неё не могла оказаться за западной стеной, если только кто-то не соединил старый строительный ход с нижней веткой.

Мирон посмотрел на Семена. Тот нахмурился не для вида.

— Я этого не делал, — сказал он.

— Я не спрашивала, — отозвалась Рада.

— Поэтому отвечаю сразу.

Тала поднялась через десять минут, вся в серой пыли. На её рукаве темнело влажное пятно. Она положила индикатор перед Радой.

— Та же минерализация, что у скрытой воды. За заплатой пустота. Узкая.

Рада развернула на переносном экране схему. Официальный резервуар был обозначен широким синим прямоугольником. Северная ветка подходила к нему сверху. Нижняя, опечатанная после приезда Рады, шла далеко под старым сборником и на схеме заканчивалась глухой точкой.

— Где скрытая полость? — спросила она.

Семен показал место на ладонь ниже глухой точки.

Рада нанесла отметку. Между полостью и западной стеной оставалось не больше шести метров.

— Нор, подайте давление в нижнюю ветку на одну минуту.

— Пломба.

— Проверка герметичности входит в мой мандат.

Белая линия на полу погасла возле Нора и загорелась перед Семеном. Ученик вставил ключ. Мирон слышал, как далеко под ногами проснулась труба: сначала глухой удар, потом низкий ровный гул.

На наружном экране край заплаты заблестел. По стене сухого резервуара потекла тонкая струйка.

— Закрывай, — сказал Семен.

Нор уже тянулся к ключу.

— Давление ещё в пределах, — сказала Рада.

— Закрывай сейчас.

Нор повернул ключ. Гул оборвался. Через секунду под землёй что-то тяжело щёлкнуло, и мерное стекло вздрогнуло. Белый кружок сменился числом «тридцать два».

Кто-то в толпе рассмеялся. Потом число стало сорок девять, шестьдесят четыре, восемьдесят один.

— Там карман, — сказал Семен. — Между стенками осталась строительная полость. Нижняя вода заполняет её, а датчик принимает давление за уровень в резервуаре.

Рада смотрела, как растёт вымышленный запас.

— Сколько лет?

— Не знаю.

— Мирон?

Он знал не всё. Эту связь действительно устроил не он. Но пятнадцать лет назад, когда запас впервые начал необъяснимо расти после запуска нижней разведочной скважины, он попросил Семена не искать причину слишком быстро. Потом цифра стала удобной. Мирон включал её в торги, совет — в зимние нормы, а «Устав» — в расчёт устойчивости Керна.

— Пятнадцать лет, — сказал он.

Семен резко повернулся.

— Ты знал про ложный уровень?

— Я знал, что он завышен.

— Насколько?

— По-разному.

— Насколько, Мирон?

— От тридцати до двухсот тысяч.

Канистры у стены вдруг стали очень заметными. Пустая тара занимала больше места, чем люди.

Рада отключила общий экран. Число продолжало расти на мерном стекле, и теперь каждый видел, как легко сухой резервуар изображал полный.

— Кто имел доступ к отчётам? — спросила она.

— Я, Семен, заведующие сменами, совет.

— Кто исправлял показания?

— Никто. Мы списывали разницу на воду в каменном кармане. Он считался частью резервуара.

— На схеме кармана нет.

— Поэтому объём оценивали косвенно.

— Вы торговали косвенной водой?

— Иногда.

— Вы обещали её жителям?

Мирон посмотрел на женщину в первом ряду. Она держала две маленькие канистры, одну свою и одну детскую. Вчера она голосовала за раннюю отправку очистителя. Возможно, потому что верила числам на стене.

— Да, — сказал он.

Семен встал с ящика.

— Ты говорил, что запас неточный из-за камня. Не что резервуар пуст.

— Тогда он не был пуст.

— А в прошлую сухую неделю?

— Оставалось около сорока тысяч.

— Ты дал мне приказ не вскрывать западную стену.

— Потому что вскрытие остановило бы выдачу.

— Выдачу чего?

Мирон не ответил.

Семен подошёл к белой линии. Она не позволила ему приблизиться к панели, но Мирон стоял по эту сторону. Старый друг мог дотянуться рукой. Не ударил. Только снял с его пояса пустую флягу и поставил на землю.

— Вот твой запас, — сказал он.

Рада приказала всем отойти от резервуара. Проверка стала расследованием, а расследование автоматически закрывало опасную площадку. Люди не расходились. Белая черта расширялась по земле, медленно оттесняя их вместе с канистрами.

Тала осталась внутри до последнего.

— Ты собирался сказать мне? — спросила она.

— О ложном уровне?

— Не выбирай удобную тайну. Обо всём.

— Я ещё сам не знаю обо всём.

— Нет. Ты знаешь кусками. Просто каждому отдаёшь тот кусок, за который он не сможет схватить тебя целиком.

Она сняла страховочный пояс и бросила его в ящик.

— Скрытая полость настоящая, — сказал Мирон. — Воды хватит на двадцать семь дней.

— Если нижняя ветка не кормит ещё одну нарисованную стену.

— Мы были внутри. Мы видели воду.

— Видели. А кто рассчитал объём?

— Семен.

— По твоей таблице уровней?

Мирон вспомнил поплавок в тёмной полости и грубые отметки на стене. Объём считали по длине, ширине и глубине. Там ложь не требовалась. Но Тала уже не спрашивала о математике. Она спрашивала, существует ли теперь число, которому можно верить только потому, что его произнёс Мирон.

— Проверим заново, — сказал он.

— Кто?

— Все, кому положено.

— Вот это и надо было сделать пятнадцать лет назад.

Она ушла к атмосферным мачтам, не взяв канистру.

К полудню Рада собрала проверочную группу. В неё вошли Нор, Тала, Кира Мель как независимый свидетель, двое сменных рабочих без даты и Зоя, которую выбрали люди у резервуара. Семена записали советником. Мирона — держателем сведений с обязательной явкой.

— Раньше это называлось переговорщиком, — сказал он, читая назначение.

— Переговорщик вправе распоряжаться подтверждёнными сведениями, — ответила Рада. — Ваши сведения требуют проверки.

— А вы вправе снять меня с должности до даты?

— Я не снимала. «Устав» ограничил полномочия, когда вы получили прогноз. Сейчас я ограничила доступ к данным проверки. Это разные неприятности.

Они спустились под старый сборник. После минутного давления в проходах стало влажнее. Белая пломба на нижней ветке осталась цела, но в боковом шве выступали капли. Нор собирал их в пробирку. Зоя записывала время каждой находки на бумажной ленте — электронному журналу она больше не доверяла.

У входа в скрытую полость Рада остановила группу.

— До замера никто не называет прежний объём, — сказала она. — Каждый считает отдельно.

— У нас один дальномер, — заметил Нор.

— Тогда меряете по очереди и не смотрите чужие записи.

— Это займёт полдня.

— В вашем резервуаре пятнадцать лет была вода, которой не было. Полдня — дешёвая проверка.

Семен сидел у стены, пока остальные измеряли полость. Ему разрешили объяснять устройство заслонок, но запретили видеть промежуточные числа. Мирон устроился рядом.

— Я не знал про строительный ход, — сказал Семен.

— Верю.

— Не говори так, будто оказываешь услугу.

Из темноты доносились команды Талы: «Левее», «Держи отметку», «Не наступай в воду». Лучи фонарей двигались по своду.

— Почему ты не спросил меня? — продолжил Семен. — Пятнадцать лет назад.

— Я спросил. Ты сказал, что уровень гуляет из-за пустот в камне.

— И предложил обследовать стену.

— У нас тогда оставалось девять дней воды. Если бы резервуар закрыли, люди узнали бы, что мы зависим от Северного.

— Мы и зависели.

— Северное подняло бы цену.

— Наверное.

— Не наверное. Дамир требовал половину деталей и места в нашей школе.

— Значит, надо было сказать людям цену.

— Они проголосовали бы закрыть школу для северных детей.

— Ты не знаешь.

— Я видел предварительный счёт.

Семен провёл ладонью по лицу.

— Конечно. Ты заранее знал, как проголосуют. Поэтому голосование стало лишним.

— Я сохранил воду обеим сторонам.

— Ты сохранил возможность решать, кому что знать.

Мирон хотел напомнить, сколько раз Семен сам участвовал в тайных отводах. Друг открывал задвижки, принимал ночные смены, учил Нора читать давление между официальными датчиками. Он не был невинным. Но сегодня речь шла не о том, кто чище. Мирон знал о пустом резервуаре и превратил незнание остальных в товар. Семен знал о настоящей воде и помогал её прятать. Обе правды помещались рядом.

— Ты тоже молчал, — сказал Мирон.

— О полости. Не о сухом баке.

— Для жителя у канистры разница небольшая.

— Для меня большая. Я думал, у нас два запаса. Оказался один.
Из полости вышла Зоя. На бумажной ленте у неё стояли столбцы чисел.

— Не показывать? — спросила она Раду.

— Пока нет.

— Тогда скажу без цифр. Вода есть. И сверху падает каменная крошка.

Семен вскочил.

— Где?

— Над южным краем.

Он шагнул к входу, но белая линия на полу загорелась прямо перед его ботинком.

— Доступ отсутствует, — сказала переносная стойка.

— Там разгрузочная трещина. Если крошка мокрая, свод берёт давление.

— Передайте заключение участнику проверки.

— Нор! — крикнул Семен. — Не трогай южную отметку. Сначала поставь распорку.

Из темноты отозвался Нор. Через несколько секунд раздался скрежет металла.

Мирон смотрел на белую линию у ног Семена. Вчера на собрании его знания приняли, а голос отбросили. Теперь машина делала то же самое под землёй: позволяла спасти людей от обвала, не позволяя сделать шаг.

— Рада, дайте ему временный доступ, — сказал он.

— Не могу. Для человека с датой запрещена работа под неустойчивым сводом.

— Он лучше всех знает крепления.

— Поэтому его заключение передано Нору.

— Если Нор ошибётся?

— Ответственность будет на допущенном работнике.

Семен тихо выругался.

Скрежет прекратился. Тала сообщила, что распорка стоит. Только после этого Семен снова сел.

— Вот так прогноз и оказывается точным, — сказал он. — Сначала тебе не дают держать собственную трубу. Потом труба падает на ученика. Потом все умирают ровно в срок, потому что мастер сидел за линией.

Рада не возразила. Она записала его слова как техническое замечание.

Замеры свели к вечеру. Самая низкая оценка составила семьсот восемьдесят две тысячи литров, самая высокая — семьсот одиннадцать. После поправки на неровное дно группа приняла семьсот девяносто четыре тысячи. Семен ошибся меньше чем на один процент.

Люди встретили цифру молча. Утром такая вода показалась бы спасением. Теперь она была единственным запасом, и двадцать семь дней полной нормы сократились до двадцати пяти: часть требовалась Северному, часть уходила на промывку, часть нельзя было безопасно выбрать из-под крошащегося свода.

Рада вывела на стену два столбца. В первом стояли реальные литры. Во втором — обязательства Керна: населению, Северному, медицинскому блоку, каравану и очистителям. Второй столбец был длиннее первого.

— Недостаёт ста двадцати шести тысяч, — сказала она. — Если исполнять уже принятые решения.

— Отмените погрузку очистителя, — сказала Тала.

— Решение собрания действительно.

— Оно принято по ложному запасу.

— Запас в материалах собрания указан как предварительный.

— Люди видели сто восемьдесят три тысячи на стене.

— Тогда нужен запрос о пересмотре из-за нового подтверждённого обстоятельства.

Марк Ло, которого вызвали к концу проверки, поднял руки.

- После сегодняшнего никто не проголосует по цифре Мирона.
- И правильно, — сказала Зоя. — Пусть проголосуют по нашим замерам.
- Для нового собрания требуется двадцать четыре часа.
- Демонтаж начнётся утром.

Семен достал из сумки ручную пломбу.

- Значит, утром он не начнётся.

Рада увидела пломбу.

- Если вы установите её без полномочий, Нор обязан снять.
- Сначала он спросит, где перекрыть давление.
- Я слышала эту часть плана.
- Тогда не придётся повторять.

Мирон ждал, что она прикажет забрать пломбу. Рада только посмотрела на часы.

- Запрос о новом собрании можно подать сейчас. Если его зарегистрируют до двадцати ноль-ноль, отсчёт начнётся сегодня.

Тала уже открывала форму.

- Основание?

— Расхождение подтверждённого физического запаса с данными, доступными участникам при принятии решения, — сказала Рада. — Не пишите «ложь переговорщика». Машина не умеет обижаться и не считает обвинение новым обстоятельством.

- А люди считают, — сказала Зоя.
- Людям можете сказать как хотите.

Когда запрос ушёл, браслет Рады показал время третьего расчёта. До двенадцати сорока следующего дня оставалось семнадцать часов.

Она подошла к Мирону и протянула ему тонкую пластину с итогами проверки.

- Подпишите как держатель прежних сведений.
- Если не подпишу?
- Физические замеры не исчезнут. Появится только запись, что вы отказались подтвердить получение.

Он приложил палец.

Пластина мигнула. Рядом с его именем возникла новая строка: «Доступ к водным переговорам приостановлен до проверки достоверности отчётов».

- Это вы? — спросил Мирон.
- Нет. Автоматическое следствие расхождения выше допустимого.
- Удобный закон.
- Для вас долго был удобным другой его недостаток: он верил датчику.

Она сказала это без злости.

У выхода из подземелья их ждали люди. Кто-то уже написал на белой стене углём: «Восемьсот тысяч настоящих. Сто восемьдесят три тысячи нарисованных». Ниже другой рукой добавили: «Сколько ещё?»

Мирон остановился перед надписью. Он мог перечислить все скрытые сделки и всё равно не ответить. Тайны были связаны. Вода с Северного объясняла ложные отчёты. Ложные отчёты объясняли старые нормы. Старые нормы — голоса совета. Голоса — договоры, которые он заключал от имени людей, не знавших исходных чисел.

Тала стояла у стены с переносным экраном. В её списке решений появилась новая строка: «Погрузка очистителя — неверный запас».

- Добавь ещё одну, — сказал Мирон.
- Какую?

— Признание Керна нежизнеспособным. Расчёт сделан по работникам, которых лишили доступа из-за прогноза, и по воде, которой нет на официальном счёте, хотя она есть под землёй.

— Это две разные ошибки.

— Поэтому сравнить надо четыре условия. С ограничениями и без. С подтверждённым запасом и с официальным.

Тала посмотрела на него внимательнее.

— Елена так формулировала?

— Нет. Она учила не смешивать причины.

— Ты дошёл до конца рабочих записей?

— Осталось двенадцать часов.

— А до расчёта семнадцать.

— Успею, если никто больше не найдёт у меня под ногами резервуар.

Семен прошёл мимо, не улыбнувшись.

Мирон поднялся на поверхность. Очередь у привезённой Радой цистерны двигалась медленно. Каждый получал литр, прикладывал браслет и уходил с канистрой, которая плескалась слишком легко. Над старым водосборником ветер тянул сухую пыль. На мерном стекле официального резервуара всё ещё стояла цифра восемьдесят одна — вода, запертая между стенками и доступная только датчику.

Вечером Мирон получил свою добавку в медицинском блоке. Автомат налил ровно два литра и предложил отказаться от хранения посмертного архива ради экономии энергии.

На экране первой появилась Елена.

Он выбрал «отложить решение» и унёс воду в комнату записей. У двери уже лежала пластина от Дамира. Третья однодневная расписка подтверждала, что Северное пока молчит перед добычным союзом. Ниже стояло новое условие: утром Дамир хотел увидеть реальные замеры скрытой полости.

Мирон включил следующую рабочую запись Елены.

Её голос произнёс:

— Если число существует только потому, что все согласились не смотреть, начинать надо не с вопроса к машине. Начинать надо с того, кто выключил свет.

Мирон поставил рядом две ёмкости: полную канистру и пустую флягу, которую снял с него Семен. Потом открыл Талин список и впервые вписал в него собственное решение.

«Пятнадцать лет не проверять западную стену».

Глава 8. Цена точности

Кира Мель разбудила Мирона в пять утра и попросила принести собственную смерть.

Он не сразу понял, чего она хочет. Рабочая запись Елены продолжала говорить из настенного динамика. Мирон уснул за столом, положив голову между пустой флягой и Талиным списком. На экране застыл график зависимости, который Елена рисовала двадцать два года назад для людей, давно уехавших или умерших.

— Повторите, — сказал он.

— Принесите медицинское уведомление с датой. Не снимок браслета. Полную запись из «Предела».

— Зачем?

— Я нашла, где он прячет условия.

Кира отключилась.

Мирон запросил полную запись. Браслет предупредил, что сведения о прогнозе относятся к защищённым медицинским данным и могут повлиять на страхование, трудовой допуск, норму воды, родительские права и возможность заключать сделки. Всё уже повлияло, но система всё равно попросила согласие.

Он выбрал выгрузку на пластину. Та стала тёплой, будто сорок дней могли весить и нагреваться.

В медицинском блоке горел свет. У двери сидели трое людей с датой и один без неё. Последний держал руку на груди и выглядел хуже остальных, однако очередь назначила его четвёртым: прогнозированным требовалась ежедневная проверка, иначе лекарства на следующие сутки не выдавались.

Кира встретила Мирона в старых очках. На столе лежали сорок девять пластин, разложенных рядами.

— Все согласились? — спросил он.

— Сорок семь. Двое дали доступ только к выводам. Этого достаточно.

— Зачем моя?

— У вас и Семена одна дата, но разные болезни и разная работа. Хорошая пара для сравнения.

— У меня нет болезни.

— У вас есть колено, повышенное давление и привычка не спать, когда страшно. Для сорока одного года это ещё не приговор. Для «Предела» — исходные данные.

Она вставила пластину в считыватель. На стене появилось уведомление Мирона: дата, час, доверительный знак в виде замкнутого круга и короткая фраза «зарегистрированных выживших нет».

— Это мы уже видели, — сказал он.

— Видели ответ. Теперь смотрите на то, что система считает вопросом.

Кира открыла техническое приложение. Обычный медицинский экран его не показывал. Пришлось подтвердить доступ врача, согласие пациента и цель проверки. За датой раскрылся длинный список: масса тела, состав крови, старые травмы, воздух, температура, наследственные риски. Ниже шли строки, которые не были медицинскими.

«Ожидаемая водная норма после уведомления».

«Ожидаемый трудовой допуск после уведомления».

«Ожидаемая длительность курса лечения».

«Ожидаемое место проживания в последние семь суток».

«Ожидаемое участие в переселении».

— Вот они, — сказала Кира.

— Мы знали, что ограничения учитываются.

— Знали словами. Теперь есть величины. До даты вам назначено на сто сорок литров меньше воды, чем человеку без прогноза. Трудовой расход снижен, потому что вас отстранили от насосов и дальних поездок. Но вероятность обезвоживания выросла, потому что хранить запас дома нельзя. Лечение колена прекращается за шесть дней до конца курса. Последнюю неделю система помещает вас в лагерь на южной равнине.

— Меня ещё никто туда не отправил.

— Собрание вчера приняло порядок. «Предел» уже считает его будущим условием.

— А если новое собрание отменит решение?

— Тогда он пересчитает внутреннюю вероятность. Дату нам не покажет другую, потому что закон запрещает менять объявленный прогноз.

Мирон перечитал строку о лагере.

— Значит, дата может измениться внутри?

— Система меняет расчёт каждый час. Объявление остаётся прежним.

— Это не прогноз.

— Это один прогноз, который запрещено исправлять после публикации.

Кира достала пластину Семена. Его будущая вода была такой же, но трудовой допуск выглядел иначе. После лишения ключей «Предел» ожидал, что водный мастер проведёт тридцать семь дней почти без движения. За два дня до смерти он должен был оказаться у нижней насосной как советник. В расчёте стояло падение давления, аварийный выход под свод и травма грудной клетки.

— Он погибнет в полости? — спросил Мирон.

— Возможно. Здесь нет рассказа, только веса причин. Травма имеет наибольший вклад.

— Вчера его не пустили под свод.

— Вчера распорку ставил Нор. Через месяц система ждёт другую аварию или продолжение этой. Главное не место. Главное — она учитывает запрет на работу. Семен теряет ежедневную нагрузку, хуже переносит скачок давления, оказывается рядом как советник без права самому проверить крепление. Закон создаёт именно того Семена, который погибнет в расчётный час.

Мирон посмотрел на сорок девять пластин.

— У всех так?

— У каждого по-разному. Но после уведомления меняется хотя бы одно условие, влияющее на смерть. Вода — у всех. Лечение — у тридцати четырёх. Работа — у сорока двух. Место последней недели — у сорока девяти.

— Покажите человека, у которого изменение самое большое.

Кира не потянулась к рядам.

— Я не могу без его согласия.

— Тогда самого маленького.

— Тоже не можете.

— Вы позвали меня смотреть данные.

— Свои и обезличенный итог. Привыкайте. Право на сведения не возвращается только потому, что у вас появилась хорошая цель.

Он принял укол без привычного спора. Кира вывела общий график без имён. Красная линия показывала расчёт при действующих ограничениях. Серая — при прежней норме воды, работе до фактической неспособности и лечении по состоянию, а не по оставшимся дням.

Красная линия сходилась к одной дате острым пиком. Серая растекалась на месяцы и годы.

— Это свободный запрос? — спросил Мирон.

— Нет. Я не могу попросить «Предел» убрать ограничения и пересчитать. Но могу использовать медицинскую модель до объявления даты. Она сохранилась в диагностике. Я подставила другие величины вручную.

— Насколько надёжен результат?

— Как медицинская оценка — достаточно, чтобы назначать обследования. Как доказательство против «Устава» — никак. Система скажет, что я использовала неутверждённые условия.

— Они неутверждённые, потому что закон запрещает их создать.

— Именно.

Она сняла очки и протёрла их краем халата.

— В молодости я думала, точность — это когда прибор не ошибается. Потом поняла: прибор может идеально отвечать на вопрос, который сам помог сделать правдой. Если я каждое утро говорю пациенту, что он не дойдёт до двери, и привязываю его к кровати, мой прогноз будет точным.

— До двери он действительно не дойдёт.

— Ни одного зарегистрированного выжившего.

Фраза прозвучала иначе, чем вчера. Не как доказательство силы «Предела», а как перечень людей, которым после уведомления оставили только один разрешённый путь.

У двери завязался спор. Человек без даты требовал принять его немедленно. Система повторяла номер очереди. Кира вышла, осмотрела его и через минуту вернулась за аварийным набором.

— Сердце? — спросил Мирон.

— Похоже. Даты нет, значит, обычная очередь решила, что ежедневная проверка прогнозированных важнее боли в груди.

— Ещё один точный вопрос.

— Нет. Просто плохая очередь. Не превращайте каждую глупость в теорию.

Она увела мужчину в смотровую. Мирон остался перед графиком.

На его браслете было пять утра сорок восемь минут. До третьего расчёта оставалось шесть часов пятьдесят две минуты. Если доля ключевых работников с прогнозом не снизится, «Устав» получит третье подтверждение и Рада сможет начать переселение как обязательную меру.

Никто из ключевых работников не мог перестать иметь прогноз. Но они могли перестать быть ключевыми. Мирон открыл список ста тридцати двух должностей. Насосные мастера, врачи, учителя, операторы атмосферных сетей, хранители семян. Если совет назначит дублёров, доля прогнозированных снизится. Вчера такой ход показался бы спасением. Сегодня он увидел цену: чтобы сохранить Керн на бумаге, живых людей надо заранее заменить.

Тала ответила на первый вызов.

— Ты спала? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо. То есть плохо. Собери совет у медицинского блока.

— Новое собрание по очистителю назначили на вечер.

— Это раньше. Кира нашла условия прогноза.

— Можно доказать, что дата меняется?

— Можно доказать, что расчёт зависит от наказания за дату.

— Не называй наказанием при Раде. Она начнёт спорить о слове.

— Пусть спорит о цифрах.

Через двадцать минут в медицинском блоке собрались Тала, Семен, Марк Ло и Рада. Семен принёс ручную пломбу. Он теперь носил её как знак должности, которой его лишили.

Кира повторила объяснение. Она не показывала личные данные, только общий график и перечень изменённых условий. Рада задавала короткие вопросы.

— Модель утверждена для пересчёта прогнозов?

— Для диагностики до уведомления.

— После уведомления?

— Запрещено менять опубликованную дату.

— Значит, вы не можете подтвердить другой исход для конкретного человека.

— Могу подтвердить, что условия после уведомления повышают вероятность объявленного исхода.

— Насколько?

— В среднем по группе — на двадцать восемь процентов. У отдельных людей больше половины общего риска связано с будущими ограничениями.

Марк Ло присвистнул.

— То есть половину смерти добавляет сам закон?

— Не смерть измеряется половинами, — сказала Кира. — Риск. Не упрощайте.

— Людям придётся объяснять проще.

— Тогда скажите: после даты у человека забирают то, что могло помочь ему её пережить.

Рада увеличила график.

— Вы учитывали обратную связь? Если вернуть полный трудовой допуск, часть людей погибнет раньше на опасной работе.

— Учитывала. Я не предлагаю отправить больного под свод. Я предлагаю решать по состоянию человека, а не по календарю.

— Закон ввели потому, что руководители продолжали использовать прогнозированных работников до последнего часа.

— Теперь их отстраняют в первый час и создают другую опасность.

— Единую, измеримую и менее жестокую.

Семен положил пломбу на стол.

— Меня вчера не пустили поставить распорку. Если бы Нор не услышал, менее жестокий закон похоронил бы троих без даты.

— Но услышал.

— Потому что я нарушил предписанную тишину и крикнул.

— Совет не запрещён.

— Пока его запрашивает человек с правом.

Рада посмотрела на него устало.

— Я не защищаю каждое следствие. Я спрашиваю, есть ли у нас доказательство, которое «Устав» обязан принять.

— Пока нет, — сказала Кира.

— Тогда у нас шесть часов.

Тала положила рядом свой экран.

— Есть список решений без голосов людей с датой. Теперь есть измеримые условия, которые эти решения создают. Если сформулировать сравнение по способу Елены, получится запрос.

— Без ключа свободного переводчика система его не примет, — сказал Мирон.

— Ты дослушал записи?

— Осталось одиннадцать часов.

— Вчера было двенадцать.

— Я уснул.

— Тогда слушай быстрее.

— Голосовой ключ нельзя ускорить. Он меняет последовательность по контрольным словам.

Рада повернулась к нему.

— Извлечение уничтожит личную часть архива?

— Не всё. Мы не знаем сколько.

— И вы ещё не решили.

— Решил, что ключ не будет моим.

— Это не ответ о сроке.

Мирон посмотрел на график. Сорок девять красных линий сходились к датам, которые закон помогал исполнять. Еленин архив не был человеком. Он знал это и всё равно каждое удалённое слово ощущал как вторую смерть. До сих пор жертва казалась личной: отдать голос жены ради возможности задать вопрос. Теперь вопрос тоже перестал быть его собственностью.

— Дослушаю рабочую часть, — сказал он. — Потом передам архив проверочной группе. Решение об извлечении примем вместе.

— Вместе с кем? — спросил Марк.

— С людьми, на чьи условия повлияет вопрос.

— Со всеми жителями? За шесть часов?

— Не со всеми. С теми сорока семью, кто дал Кире данные, и двумя, кто дал выводы.

Они уже понимают цену.

Семен забрал пломбу со стола.

— А Елена понимает?

В комнате стало тихо.

— Она оставила техническую запись о выборе, — ответил Мирон. — Это не согласие на любую цель. Но она знала, что извлечение разрушит часть архива.

— Тогда сначала дослушай, что она сказала.

Совет разошёлся выполнять задачи. Кира готовила обезличенную справку. Тала собирала согласия на срочное обсуждение. Марк искал допустимую форму собрания, где люди с датой могли решить судьбу чужого архива, не обладая правом общего голоса. Рада запросила отсрочку третьего расчёта из-за новых медицинских сведений.

«Устав» ответил через девять секунд.

«Сведения не изменяют наличие прогнозов. Оснований для отсрочки нет».

— Он прав, — сказала Рада.

— Вы это произносите слишком спокойно, — заметила Тала.

— Если злиться на каждую верную букву плохого закона, не останется сил искать следующую букву.

Мирон вернулся в архив. Елена говорила о первых испытаниях переводчика. В те годы колонии спорили с «Уставом» через специалистов метрополии. Свободный вопрос превращался в набор проверяемых сравнений, но машина принимала только те, где менялось по одному условию.

— Человек спрашивает: «Почему вы убили сад?» — произнесла запись. — Переводчик не должен удалять гнев. Он должен найти, что можно сравнить. Сад с отключённой водой и сад с прежней нормой. Урожай при решении и без решения. Число спасённых домов и число потерянных деревьев. Гнев остаётся у человека. Машине достаётся работа.

Мирон записал формулировку Киры: риск при ограничениях и без них. Потом добавил воду, труд, лечение и лагерь по отдельности.

Через два часа он дошёл до записи, помеченной словом «извлечение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.